

Ирина Святославовна Андрианова*заведующая Web-лабораторией Института филологии
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

«Непрочитанное» литературное наследие жены Ф. М. Достоевского (с приложением текстов ее неопубликованных произведений)*

Аннотация. В статье дан краткий обзор литературного творчества представителей рода Достоевских — брата, жены, детей и внуков писателя. Главное внимание уделено анализу художественных произведений А. Г. Достоевской, написанных в период после смерти Достоевского. Автографы текстов, атрибутируемых ей, хранятся в архивах РГАЛИ и РО ИРЛИ и широко не известны. Перу жены Достоевского принадлежат два юмористических рассказа (окончание одного из них не сохранилось) и два произведения драматического жанра — фарс «Рекомендация» и сцена-монолог «Исповедь Мармеладова», подготовленная для театральной постановки. Их автор предстает хорошей рассказчицей, любящей занимательные сюжеты, наделенной тонким юмором и сатирическим даром. Литературные опыты А. Г. Достоевской интересны как тексты ученицы великого писателя, художественное мастерство которой развилось в результате многолетнего духовного общения, совместной творческой работы с Достоевским. В Приложении впервые публикуются литературные произведения А. Г. Достоевской.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, литературное наследие, род, семья, фарс, автограф, исповедь Мармеладова

Федор Михайлович Достоевский — признанный классик русской литературы. Его мировая слава затмевает литературные опыты других представителей рода — они зачастую вторичны и лишены значительной художественной ценности, особенно на фоне дарования автора «Братьев Карамазовых». Однако их необходимо учитывать не только при изучении семейного контекста творчества писателя, но и общей картины литературного процесса XIX в.

На сегодняшний день художественные произведения братьев, жены, детей и внуков писателя существуют в журнальных публикациях, изданных при жизни авторов, или в неполных дореволюционных собраниях сочинений (М. М. Достоевский), в редких изданиях 1910-х гг. (Л. Ф. Достоевская), газетах русского зарубежья, советской периодике, изданиях, посвященных роду Достоевских (Ф. Ф. Достоевский-старший, Ф. Ф. Достоевский-младший, А. Ф. Достоевский [Волоцкой], [Хроника рода...]), а подчас не опубликованы совсем (А. Г. Достоевская). Электронная публикация произведений М. М. Достоевского и Л. Ф. Достоевской осуществлена научными сотрудниками Web-лаборатории Петрозаводского университета на портале <http://philolog.petrus.ru>¹.

В данной статье дан общий обзор литературного творчества близких родственников и потомков Достоевского, особое внимание уделено анализу художественных произведений жены писателя, публикация которых осуществлена впервые и представлена в Приложении. Мемуарные тексты А. Г. Достоевской, А. М. Достоевского и Л. Ф. Достоевской не затрагиваются: они опубликованы (хотя рукопись А. М. Достоевского вышла в печати с купюрами²) и известны исследователям³. Библиография публикаций родственников (не прямых потомков) писателя (В. М. Владиславлева, А. А. Достоевского, М. Ф. Достоевского, Ю. А. Иванова) представлена в книге Н. Н. Богданова [Богданов: 404–408].

Имя **Михаила Михайловича Достоевского** (1820–1864), старшего брата писателя, занимает достойное место в ряду имен писателей «натуральной школы», впервые провозгласивших тезис о том, что литература должна быть подражанием действительности. Перу этого беллетриста принадлежат изданные в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. в журналах «Отечественные записки» и «Репертуар и Пантеон» повести «Дочка», «Господин Светёлкин», «Два старичка», «Пятьдесят лет», «Брат и сестра», рассказ «Воробей», роман «Деньги» (до сих пор не был опубликован полностью). По стилю эти произведения близки к «Бедным людям» и «Белым ночам» Ф. М. Достоевского, отмечены влиянием сентиментализма. Их герои — городские обыватели, «маленькие люди». Кроме прозы, М. М. Достоевский сочинял стихи, пробовал себя в драматическом жанре (комедии «Старшая и меньшая» и «Мачеха»). В 1861–1863 гг. он был издателем и редактором журнала «Время», а в 1864 — «Эпоха», главных изданий «почвенников». Как критик и публицист старший брат Ф. М. Достоевского выступил со статьями, рецензиями и обзорами в журналах «Репертуар и Пантеон», «Отечественные Записки», «Светоч», «Время» («Жуковский и романтизм», «“Рассказы из народного русского быта” Марка Вовчка», «Гроза», «Пожары», «Стихотворения Плещеева», «Сочинения К. С. Аксакова» и др.) Литературный талант М. М. Достоевского, отмеченный Н. А. Добролюбовым и А. В. Дружининым, особенно ярко проявился в его переводах европейских классиков («О наивной и сентиментальной поэзии», «Коварство и любовь», «Дон-Карлос», «Разбойники», «Боги Греции» Шиллера, «Рейнеке-Лис» Гёте) и романа «Токеа и Белая Роза» австрийского писателя Ч. Силсфилда (наст. имя — Карл Антон Постль).

Любовь Федоровна Достоевская (1869–1926) иногда жалела о том, что стала писать: «Страшно сержусь на себя, что вздумала сделаться писательницей; я потеряла единственную хорошую сторону своей жизни — свою собственную свободу»⁴, «не хочу и думать о сочинительствѣ. Мечтаю о Сорренто»⁵. Рассказы Достоевской («Больные девушки», 1911) и повести («Эмигрантка», «Адвокатка», 1913) выдержали несколько изданий при ее жизни, были известны в России и среди эмигрантов⁶. Рассказ дочери писателя «Два горя» 16/28 февраля 1900 г. публиковался в газете «Новое Время». Автограф

ее произведения «Ал. Петр. Можайский в раннем детстве...» хранится в РГАЛИ (см. об этом ниже). Тем не менее литературные достоинства этих произведений невысоки, и сегодня они интересны только как сочинения дочери великого писателя.

Пытался проявить себя на литературном поприще Федор Федорович Достоевский (1871–1922), сочинявший стихи и прозу. Но ярлык «сын писателя Достоевского», которым он тяготился, заставил разочароваться в своих способностях и прекратить художественные опыты. Стихи и проза Ф. Ф. Достоевского, которые были написаны «для себя», не для печати, почти не сохранились. Исключение составляют несколько стихотворений, опубликованных М. В. Волоцким («По телефону», «Пред домом гравием усыпана дорожка...», «В наши скучные серые дни...», «В кабачке Танго» и др.) [Волоцкой: 145–147].

Замечательно был одарен внук писателя **Федор Федорович Достоевский-младший** (1905–1921). Сохранились его стихотворения «Маме» и «Варягам»⁷, «Я смеюсь. Но мой смех — горше слез...», «Осенняя песенка», «Опять тоска, опять души стенанье...», «России (подражание Кольцову)» и некоторые другие⁸.

Второй внук писателя **Андрей Федорович Достоевский** (1908–1968) был литературным и общественным деятелем — писал статьи, очерки, воспоминания о своей бабушке Анне Достоевской⁹, о событиях Великой Отечественной войны, художественные рассказы за подписью «Ир. Литкевич» («Гирли», «Кротолов», «Апельсиновые корки» и др.), отзывы и рецензии на статьи по литературе и искусству, помещенные в «Литературной газете», «Ленинградской правде», «Иностранной литературе», «Неве»¹⁰. Рукописи и машинописные варианты неизданных статей А. Ф. Достоевского хранятся в его личном фонде в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ. Ф. 85).

Дмитрий Адреевич Достоевский (род. в 1945 г.), праправнук писателя, пишет в классическом жанре — мемуарном. Его записки, объединенные в цикл под названием «Байки старого трамвайщика», популярны в Интернете¹¹.

В отличие от потомков писателя, в одаренности которых могла иметь значение генетика, литературное мастерство его жены **Анны Григорьевны** развили годы духовного общения, совместной творческой работы с Достоевским, всегда ведущим интенсивную интеллектуальную жизнь. Стенографистка-помощница Достоевского не была профессиональным литератором и не стремилась им стать. Более того, по ее признанию, она «сознавала в себе полное отсутствие литературного таланта» [Достоевская А. Г., 2015: 42]. Писатель заботился о духовном развитии молодой жены: формировал круг ее чтения

(«...Федор Михайлович, желая руководить моим литературным развитием, сам выбирал мне книги и ни за что не позволял читать фривольные романы» [Достоевская А. Г., 2015: 156]),

знакомил с литераторами — А. Н. Майковым, А. П. Милюковым, Д. В. Григоровичем, Н. Н. Страховым, И. А. Гончаровым, Н. П. Огаревым, М. Е. Салтыковым-Щедриным и др.

«Никогда не встречаясь в своем кругу с выдающимися литераторами, я представляла их какими-то особенными существами, с которыми и говорить-то следовало особенным образом» [Достоевская А. Г., 2015: 105]),

брал на литературные вечера, в музеи и библиотеки, в качестве семейного досуга привлекал к совместному сочинительству шуточно-пародийных стихов¹², учил критическому анализу художественных произведений. Все это являлось своего рода литературной школой, в которой писатель формировал вкусы своей молодой жены.

Анна Григорьевна чистосердечно признавалась:

«Я далеко не все понимала в его писаниях. Нужно было видеть, с каким терпением он объяснял мне труднейшие философские страницы своих романов. Однажды я созналась ему, что не вполне понимаю “Легенду о Великом инквизиторе”. Он словно огорчился и начал подробно, медленно, почти наглядно разъяснять мне смысл этой главы. — “Ну как, Аня, теперь понимаешь?” — Понимаю, но все же не могла бы тебе рассказать. — “Это тебе кажется, что у тебя недостаток формы выражения, но я вижу, что ты поняла, что тебе стал близок мой замысел”» [Гроссман: 10].

По свидетельству дочери Достоевских, Анна Григорьевна «воздерживалась от критики» работы мужа, но «иногда осмеливалась возражать ему по несущественным вопросам» [Достоевская Л. Ф., 1992: 147]. Впрочем, опыт совместной литературной деятельности позволял ей давать мужу и советы:

«...прошу тебя не торопись начинать работы, лучше дай пройти несколько времени, план сам явится; торопливость только помешает. Я помню, как было с Идиотом и Бесами. Ты долго мучился над планом романа, а когда он у тебя составился, работа пошла очень быстро. <...> А то с торопливостью можно испортить дело: придется переделывать план, а это помешает художественности» [Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.: 110–111].

Совершенствуясь как стенограф в творческой работе с Достоевским, Анна Григорьевна развивала основные умения и навыки, требуемые для стенографического труда: «...стенографу приходится изобретать на месте мгновенно-быстро, не останавливаясь, проявлять мастерство, роднящее его профессию с искусством. Стенограф-художник должен уметь творить в своей области, импровизировать свою стенограмму», что невозможно без понимания сущности воспринимаемого на слух текста [Юрковский: 19]. Так подлинно творческий труд стенографистки Достоевского развил в жене и помощнице писателя интерес к литературному творчеству, готовность к самостоятельным художественным опытам.

По воспоминаниям современников, А. Г. Достоевская была искусной рассказчицей и отличалась «даром картинного воспроизведения всего того, что видела и наблюдала в окружающей жизни» [Из воспоминаний М. Н. Стоюниной...: 579], она «имела глаз» и умела видеть», «рассказывала так ярко и живо о самых незначительных фактах и событиях, что заставляла “видеть” и слушателя» [Ковригина: 588]. 19 октября 1880 г. Е. А. Штакешнейдер записала в своем дневнике, как супруга Достоевского могла увлечь слушателей рассказами о нем: «...сидели с Анной Григорьевной. И отвела же она наконец свою душу. Сестры слушали ее в первый раз и то ахали с соболезнованием, то покатывались со смеха» [Штакеншнейдер: 431]. Порой устные рассказы жены давали повод для творческой фантазии мужа. В основе рассказа «Столетняя», опубликованном в мартовском выпуске «Дневника Писателя» за 1876 год, действительный случай, происшедший с женой писателя: «Вернувшись изъ типографіи, я рассказала Θ<едору> М<ихайловичу> мою встрѣчу съ старушкой, а Θ<едору> М<ихайловичъ> написалъ на эту тему рассказъ»¹³.

Если в начале семейной жизни Достоевский сомневался в способности жены понять и оценить произведение («У меня единственный читатель — Анна Григорьевна: ей даже очень нравится; но ведь она в моем деле не судья» [Достоевский, 1985: 241]), то впоследствии писатель стал доверять художественному чутью супруги. Он не раз отзывался о нем с похвалой, прислушивался к ее советам, дорожил ими и даже советовал, по воспоминаниям А. Г. Достоевской, заняться самостоятельной литературной деятельностью:

«Ну а ужъ начинающіе литераторы такъ тѣ безъ моего совѣта и въ печать ничего не отдавали. Бывало пріѣдутъ, просятъ совѣта. Θ. М. и говорятъ: что вы меня спрашиваете, вы спросите Анну Григор<ьевну>: если она одобритъ, то съ Богомъ пускайте, а если нѣтъ — то лучше и не печатайте провалитесь. У ней на этотъ счетъ такое пониманіе, такое чутье, так<ой> нюхъ что я вамъ скажу, рѣдко встрѣтишь у инаго критика. Я ей часто говорю: да займись ты матушкой литературой, пиши романъ, а она мнѣ въ отвѣтъ: я и такъ занята дружокъ по горло, куда мнѣ пустяками еще заниматься»¹⁴.

А. Г. Достоевская получила признание в литературе как автор талантливых мемуарных произведений: дневника и воспоминаний. О ее самостоятельных художественных опытах широко не известно. Между тем в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и рукописном отделе Института русской литературы (РО ИРЛИ) хранятся автографы произведений, авторство которых можно атрибутировать супруге великого писателя.

Одна из единиц фонда Достоевских РГАЛИ (Ф. 212. Оп. 1. Д. 150) в описи озаглавлена как «Художественные произведения А. Г. Достоевской». В нее включены три рассказа, не датированные, не имеющие авторского названия,

обозначенные сотрудниками архива по первой строке текста: «Ал. Петр. Можайский в раннем детстве...», «Сергей Иванович Путилин только что получил очень неприятную телеграмму...», «Был теплый, ясный июльский вечер...». Героиня первого произведения — девушка Леночка, которая хитростью достигла своей цели: сначала влюбила в себя образованного и обеспеченного Можайского, а потом вышла за него замуж. В браке она продолжает жить для собственного удовольствия, тратит деньги на бесчисленные наряды и светские мероприятия, изменяет мужу, забывает о ребенке и при этом не испытывает угрызений совести. Авторство этого рассказа сотрудниками РГАЛИ определено ошибочно. В ходе почерковедческого анализа нами установлено, что этот автограф принадлежит Л. Ф. Достоевской. Героиня вписывается в галерею образов «больных девушек», которые изображены в повестях и рассказах дочери писателя.

А. Г. Достоевская — автор двух рассказов, один из которых не имеет окончания (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 150), фарса (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30469) и пьесы (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29579). Из них датированы фарс (1896 г.) и сцена-монолог (1910 г.), однако очевидно, что и рассказы написаны в период после смерти писателя.

В центре юмористического рассказа Достоевской *«Сергей Иванович Путилин только что получил очень неприятную телеграмму...»* — анекдотический случай. Главного героя известили о тяжелой, возможно смертельной болезни дяди, уехавшего на лечение в Карлсбад. Экспозиция заставляет вспомнить хрестоматийные строки знаменитого Пушкинского романа «Евгений Онегин»: «Мой дядя самых честных правил, / Когда не в шутку занемог, / Он уважать себя заставил / И лучше выдумать не мог...». Путилин, рано лишившийся родителей, был благодарен дяде за свое воспитание и, кроме того, ожидал, что тот оставит ему наследство. Он решил немедленно отправиться к больному родственнику и заказал в Консульстве заграничный паспорт.

Ради исключения ему, а также назойливой немке, спешившей на свадьбу к родителям в Гамбург, сотрудники Консульства согласились сделать паспорта в тот же день, но при выдаче документы перепутали. Ряд комических ситуаций, в ходе которых немка с паспортом Путилина пытается попасть на родину, а тот стремится ее догнать, завершается благополучно — документы оказываются у настоящих владельцев, немка Амалия уезжает в Гамбург, больной дядя Путилина выздоравливает, у героя пропадает острая необходимость ехать к нему.

Хотя главным героем рассказа А. Г. Достоевской является Сергей Иванович Путилин, автору в большей степени удался образ немки Амалии. В XIX в. персонажи-немцы изображались на страницах многих произведений русской литературы, это давало писателям возможность сравнения «своего» через «чужое». Популярность немецкой темы в литературе объяснялась тесными культурными контактами между Россией и Германией

в это время. Немцы являлись составной частью русского общества: «ученые» немцы заседали в академиях и училищах, преподавали в пансионах и школах, немцы-чиновники руководили канцеляриями и министерствами, немцы-врачи, инженеры, механики трудились в больницах, на заводах и фабриках, немцы-ремесленники работали в мастерских, а немцы-торговцы — в лавках и магазинах.

Ф. М. Достоевский и его супруга имели возможность оценить особенности немецкого мира не только в пределах России, но и взглянуть на него изнутри, проведя несколько лет жизни в Германии. Эта страна, как и вся Европа, виделась писателю меркантильной, мелочной, эгоистичной, пошлой, утратившей веру в Бога и высокие идеалы. Такой она предстает в его письмах, романах, «Дневнике Писателя». А. Г. Достоевская свое отношение к немкам выразила в дневнике за 1867 г. краткой эмоционально-экспрессивной фразой: «Уж эти мне немки!» [Достоевская А. Г., 1993: 86]. Более того, жена писателя чувствовала себя оскорбленной, когда в ней находили сходство с немками: «Немка в трауре сказала мне, что я больше похожа на немку (ишь, ведь вздумала мне сделать комплимент, — ведь это можно принять за грубость)» [Достоевская А. Г., 1993: 228]. Это негативное восприятие немок поддерживал в жене и Достоевский: «Тогда Федя начал говорить, зачем я не сказала, что я на немку походить не желаю» [Достоевская А. Г., 1993: 239].

Немцев можно и нужно высмеивать, считал Достоевский, в произведениях которого они часто выступают комическими персонажами. Сатирически изображает свою героиню и А. Г. Достоевская. «Говорящей» является ее фамилия в паспорте: «*На немъ стояла фамилія какой-то госпожи Amalie Kopfschmerzen aus Hamburg*». «Kopfschmerzen» переводится с немецкого как головная боль; такой фамилии, которой Достоевская наделяет свою героиню, в действительности не существует. Более того, автор сатирически искажает фамилию героини — в восприятии русского человека она берет свое начало от слова «кошмар»: «*Кондукторъ, розыскивавший ея, прошелъ по вѣсьмъ вагонамъ, громко повторяя: телеграмма Г^{жн} Кошмерцевой*». Для немки, педантичной, привыкшей к механическому порядку во всем, потеря паспорта в России, ставящая под угрозу ее возвращение домой, равнозначна катастрофе, головной боли, эту же головную боль она доставляет окружающим, раскрывая в непредвиденных обстоятельствах свой сдержанный внешне характер с неожиданной стороны. Немка, обескураженная ситуацией, нарушает принятые нормы хорошего тона: ругается, «визжит», «плюется», называет русских «швинни», обещает жаловаться немецкому начальству. Это проявляется в портретной характеристике немки: «...дѣвица, не молодыхъ уже лѣтъ, високаго роста, съ блѣдно голубыми глазами и страшнымъ количествомъ веснушекъ на лицѣ» (см. Приложение). «Весноватость» немки как признак некрасивости подчеркивается несколько раз в тексте и преподносится автором в юмористическом ключе: «*Никогда еще онъ не былъ такъ золь какъ въ эту минуту и попались ему на встрѣчу прекрасная Амалія съ ея*

весноватымъ лицомъ, онъ кажется прибилъ бы ее»; «...всего лучше ему прямо ѣхать и тамъ уже розыскать эту весноватую красавицу» и др.

Стилизация неправильной русской речи при изображении немки в рассказе А. Г. Достоевской — основной комический прием. Фразы героини построены по одной схеме, что придает ее речи некую механистичность: «*Мой мамахенъ виходитъ замужъ за папахенъ, я долженъ быть на сватебъ*»; «*Я не понимаю, у меня нѣтъ другой пась, я заплатилъ fünf Rübел, и мнѣ дали бумагъ, я не знай*» (см. Приложение). Исковерканная русская речь снижает образ героини, придает ей оттенок глупости. Еще одно свойство, проявляющееся в речевой характеристике немки, — императивность, в основе которой — признание незыблемого порядка вещей. В этом «я должен быть», желании последовательного соблюдения долга, заключается одна из главных черт немецкого характера в его интерпретации русской литературой. Педантичная, основательная и прагматичная, она везет своим родителям на свадьбу подарки, выступающие символами мещанства: «*...связанную ею собственноручно салфетку на комодъ*» и «*своего рукодѣлья красный гарусный колпакъ съ синей кистью*» (см. Приложение). Сатира А. Г. Достоевской направлена в адрес немецкого мещанства. Она высмеивает не саму немку Амалию, а обывательские, мещанские черты в ней, характерные для немцев, по мнению автора.

Автограф рассказа А. Г. Достоевской «*Был теплый июльский вечер...*» сохранился в РГАЛИ только на двух первых листах. В экспозиции представлена идиллическая жизнь супругов: «*Рѣдко кто могъ похвалиться такимъ душевнымъ согласіемъ, какое было вѣтъ ихъ семь. Она высоко ставила своего мужа, страстно любила его, считала его самымъ умнымъ, великодушнымъ и деликатнымъ чловѣкомъ и подчасъ считала себя недостойною его <...>. Теперь же они такъ сжились и сошлись другъ съ другомъ, что какъ то трудно было даже поссориться*» (см. Приложение). Это описание напоминает отношение А. Г. Достоевской к мужу, отраженное в воспоминаниях: «Все высшие нравственные и духовные качества, которые украшают человека, проявлялись в нем в самой высокой степени. Он был добр, великодушен, милосерд, справедлив, бескорыстен, деликатен, сострадателен — как никто!» [Достоевская А. Г., 2015: 593]. Семейное счастье супругов в рассказе нарушает подруга героини, поселившаяся в их доме, и раскрывшийся «обман» мужа. Дальнейшая фабула этого произведения остается неизвестной.

В РО ИРЛИ хранится автограф еще одного произведения А. Г. Достоевской, датированный ею 1896 г. Автор назвала его «*Рекомендация*» и определила жанр — фарс. Фарс явился «началом и первоосновой комедии» [Кагарлицкий], имея дело «лишь с частными случаями, с событиями маловажными, подчас исключительными, лишь бы они были смешны» [Брокгауз, Ефрон: 327]. «Сложные нравственные проблемы <...> не область фарса. На примере дурака учатся одному — не быть дураком. Никакой иной морали фарс не преподает, и выбор, который он предоставляет героям, весьма невелик — быть

обиженным или обидчиком. <...> ...дело ограничивается критикой нравов и осуждением предрассудков <...>. Он моносюжетен, современен, парадоксален» [Кагарлицкий].

По свидетельству гимназической подруги А. Г. Достоевской, она была полной противоположностью мужу, видевшему во всем трагические нотки: «Веселая такая, чуть, бывало, на улицу выйдет — уж целый короб новостей и ворох смеху принесет. Хохотушка она долго была» [Стоюнина: 198]. Видимо, не случайно жена писателя обратилась к комическому жанру — как заметил про него Ю. Кагарлицкий: «А где больше озоруют, чем в фарсе?» [Кагарлицкий].

Фарс «Рекомендация», по признанию А. Г. Достоевской в предисловии, был сочинен экспромтом, «на тему навели посѣтителѣ, нанимавшіе прислугу, которая написала въ газетн<омъ> объявленіи, что ее рекомендуетъ Г^{жа} Достоевская» (см. Приложение). Фарс состоит из восьми действий. Главная героиня, как принято для жанра фарса, — представитель низов. Дуняша — горничная в доме Анны Григорьевны, вдовы знаменитого писателя. Первый вариант фамилии писателя (а соответственно, и вдовы) в рукописи дается как «Воскресенский(ая)», затем в некоторых случаях правится на варианты «Федоровский(ая)», «Петровский(ая)». В первом действии пьесы горничная ведет беседу с лакеем, из которой становится ясно, что ей отказано от места в доме вдовы писателя и нужно подыскивать новую работу. Чтобы получить хорошее место, требовалась безупречная рекомендация от предыдущих хозяев. Но госпожа Воскресенская не желает ее давать: «*Посуди, говоритъ, Дуняша, какую я тебя по совѣсти рекомендацію должна дать: ну и пошла высчитывать всѣ мои провинки*» (см. Приложение). Во время отъезда хозяйки из города находчивая горничная решается на обман — без ее ведома подает объявление в газетах: «*Рекомендуетъ свою служанку Г^{жа} Федоровская*» (см. Приложение). В дом являются наниматели, привлеченные рекомендацией, — «дама строгого вида», купчиха, отставной генерал, чиновница, провинциал, — кто-то с действительной целью нанять прислугу, кто-то познакомиться со вдовой знаменитого писателя. Ни одному из них не подходит привередливая горничная, т. к. она не знакома со своими обязанностями: не умеет шить, не любит гладить и нянчиться с детьми.

Финал фарса — возвращение хозяйки и реплика горничной: «*Уходите, уходите прочь, барыня пріѣхала. Ахъ, что теперь будетъ!*» (см. Приложение) — открытый, наводит на мысль о грядущем возмездии за плутовство служанки.

Сцена-монолог «*Исповедь Мармеладова*» была подготовлена А. Г. Достоевской специально для театральной постановки (какой — не установлено) и дозволена цензурой к представлению в сентябре 1910 г. (судя по помете на титульном листе рукописи). Это драматургическая переработка одного из ключевых эпизодов романа «Преступление и наказание» — знаменитой

встречи в трактире Мармеладова и Раскольникова (ч. 1, гл. 2). Случайная встреча главного героя с опустившимся до предельной точки, до самого жизненного дна пьяницей, называющим себя «прирожденным скотом» и раздавленным нищетой, помогает Раскольникову впоследствии обрести надежду на новую жизнь, пройти путь «постепенного обновления» и «перерождения». Из исповеди-самобичевания титулярного советника бывший студент впервые узнает о Сонечке Мармеладовой — падшей женщине с непорочной душой невинного ребенка, несущей на хрупких плечах тяжелый крест человеческого страдания и показавшей Раскольникову путь к спасению.

Как вспоминала А. Г. Достоевская, муж читал «Разговор Раскольникова с Мармеладовым» 28 марта 1880 г. в Благородном собрании в пользу «Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербургского университета» и, как обычно на литературных вечерах с участием писателя, «мастерское чтение Федора Михайловича всегда привлекало публику» [Достоевская А. Г., 2015: 407].

При написании пьесы Достоевская позволила себе только несколько творческих изменений в тексте мужа:

Достоевский: «Онъ привсталъ, покачнулся, захватилъ свою **посудинку**, стаканчикъ, и подсѣлъ къ **молодому человѣку**, нѣсколько отъ него наискось» [Достоевский, 2007: 17]. — **Достоевская:** «Онъ привсталъ, покачнулся, захватилъ свою **бутылку** и стаканчикъ и подсѣлъ къ **студенту**, нѣсколько отъ него наискось» (см. Приложение);

Достоевский: «Когда **единородная** дочь моя въ первый разъ по желтому билету пошла» [Достоевский, 2007: 19]. — **Достоевская:** «Когда **единственная** дочь моя въ первый разъ по желтому билету пошла» (см. Приложение);

Достоевский: «А между тѣмъ... **о**, еслибъ она **пожалѣла** меня!» [Достоевский, 2007: 19] — **Достоевская:** «А между тѣмъ... **если бѣ** она **понимала** меня!...» (см. Приложение).

Эти замены слов Достоевского на стилистически нейтральные («посудинка» на «бутылка», «единородная» на «единственная», «пожалела» на «понимала»), вероятно, по мнению Анны Григорьевны, более понятны режиссерам, зрителям, но они упростили и «ухудшили» оригинальный стиль Достоевского.

В автографах рассказов А. Г. Достоевской встречается большое количество сокращенных слов, правки текста — они являются черновыми. Рукописи с фарсом и сценой-монологом, начисто переписанные, с небольшим числом исправлений, — беловые автографы. Неизвестно, собиралась ли автор публиковать свои произведения, вышли ли ее пьесы на сцене или их создание осталось только развлечением, домашним досугом, — упоминаний об этих сочинениях или распоряжений по их поводу нет ни в ее мемуарах, ни

в переписке. Тем не менее они представляют интерес как художественные опыты ученицы великого писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)», № 18–012–90021 Достоевский.
- 1 Электронное издание художественных произведений, переводов и переписки М. М. Достоевского см.: URL: <http://philolog.petsu.ru/mdost/index.html>. Электронное издание художественных произведений, мемуаров и переписки Л. Ф. Достоевской см.: URL: <http://philolog.petsu.ru/ldost/index.html>
  - 2 Полную электронную версию воспоминаний и дневника А. М. Достоевского см.: URL: <http://philolog.petsu.ru/amdost/index.html>
  - 3 [Достоевский А. М., 1992] (наиболее полное печатное издание), [Достоевская А. Г., 2015] (полное издание), [Достоевская Л. Ф., 1992], [Достоевская Л. Ф., 2017].
  - 4 Достоевская Л. Ф. Письмо к А. Г. Достоевской. От 10 апреля / 28 марта 1912 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 69.
  - 5 Достоевская Л. Ф. Письмо к А. А. Достоевскому. От 30 октября 1913 г. // НИОР РГБ. Ф. 93.П.4.14. Л. 32.
  - 6 См. об этом письма Л. Ф. Достоевской к А. Г. Достоевской (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355).
  - 7 См.: Достоевская Е. О моем сыне // Народная правда. 1952. № 2. («Дом русского зарубежья». Альбом А. И. Калугина. № 43).
  - 8 См.: [Хроника рода...: 520–523].
  - 9 См.: Достоевский А. Ф. Анна Достоевская // Женщины мира. 1963. № 10. С. 32–34; Мудрость любящего сердца // Литературная газета. 1967. 14 июня; Солнце моей жизни // Нева. 1963. № 12 (в соавторстве с С. В. Беловым); Друг и соратник писателя // Курортная газета. 1963. 23 марта. № 58 (5467); А. Г. Достоевская // Звезда. 1969. № 1. С. 189 (издана посмертно). Полный список публикаций А. Ф. Достоевского о его бабушке см.: [Хроника рода...: 546–547].
  - 10 Перечень публикаций и интервью А. Ф. Достоевского см.: [Хроника рода...: 546–547], [Богданов: 405].
  - 11 См., напр.: URL: <http://baba-deda.ru/news/354>
  - 12 После смерти Достоевского Анна Григорьевна продолжала сочинять стихотворные экспромты. Об этом свидетельствует стихотворение, сохранившееся в ее записной книге за 1899–1901 гг.:

*«Если ты любишь
Выходи за него замужь,
Лиза
Маркиза
Лиза!
И сказаль онъ Маркизу
Если Вы любите Лизу
Сдѣлайте изъ нее Маркизу
Но плуту-маркизу*

*Не надо безъ денегъ Лизу
И вотъ бѣдная Лиза
Лишилась своего Маркиза
Хотѣла выйти за камеръ-юнкера,
но вышла за юнкера.
Хотѣла выйти за камергера,
а вышла за гера,
а въ общемъ за Гера
Юнкера».*

(Достоевская А. Г. Записная книга (1899–1901) // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30724. Л. 67 об.)

- ¹³ Достоевская А. Г. Примечания к произведениям Достоевского Ф. М. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29602. Л. 84. (См. также: [Панюкова: 109]).
- ¹⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания (1877 г., литературные друзья) // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29599. Л. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов Н. Н. «Лица необщим выраженьем...». Родственное окружение Ф. М. Достоевского. — М.: Новый хронограф, 2014. — 468 с.
2. [Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.] Энциклопедический словарь: в 86 т. — СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1902. — Т. 35. — 476 с.
3. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского (1506–1933). — М.: Север, 1933. — С. 145–147.
4. Гроссман Л. П. Спутница Достоевского // Театральное обозрение. — 1921. — № 6. — С. 9–11.
5. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. — М.: Наука, 1993. — 452 с.
6. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.
7. Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 245 с.
8. Достоевская Л. Ф. Мой отец Федор Достоевский / вступ. ст., общ. ред., примеч. Б. Н. Тихомирова, пер. с фр. Н. Д. Шаховской. — М.: Бослен, 2017. — 512 с.
9. Достоевский А. М. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 393 с.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1985. — Т. 28. — Кн. 2. — 616 с.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. — Т. VII. — 990 с.
12. Из воспоминаний М. Н. Стоюниной об А. Г. Достоевской // Достоевский Ф. М. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. — Л., М., 1924. — Сб. 2. — С. 578–582.
13. Кагарлицкий Ю. О фарсах вообще и фарсах Филдинга в частности // Филдинг Г. Фарсы. — М., 1980 [Электронный ресурс]. — URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/kagarlickij-o-farsah-filding.htm> (15.09.2018).
14. Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. — Л., М., 1924. — Сб. 2. — С. 583–590.
15. Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского / подгот. текста Т. В. Панюковой // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 2. — С. 81–137 [Электронный

- ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (15.09.2018). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2741
16. Стоюнина М. Н. Мои воспоминания о Достоевских // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 196–202.
17. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина (Руководитель проекта); Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с.
18. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. — М., Л.: Academia, 1934. — 582 с.
19. Юрковский А. Что нужно для того, чтобы быть хорошим парламентским стенографом // Вопросы стенографии. — 1923. — № 1. — Январь-март. — С. 16–20.

Дата поступления в редакцию: 20.09.2018

Irina S. Andrianova

*PhD. in Philology,
Head of Web-laboratory
of the Institute of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru*

The “Unread” Literary Heritage of the Wife of Fedor Dostoevsky (with the Texts of Her Unpublished Works)*

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project “Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Lacunae. Perception of His Life and Work in the Russian National Consciousness (1881–1921)”, no. 18-012-90021 Dostoevsky.

Abstract. The article gives a brief overview of the literary works of the representatives of the Dostoevsky family—brother, wife, children and grandchildren of the writer. A special attention is paid to the analysis of Anna Dostoevskaya’s fiction, written after the death of Dostoevsky. The manuscript texts attributed to her are kept in the archives of Russian State Archive of Literature and Art and Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and are not widely known. Dostoevsky’s wife wrote two humoristic stories (the end of one of them has not come to our days) and two dramas — a farcical play “Recommendation” and a monologue scene “The Confession of Marmeladov”, prepared for a theatrical performance. Their author appears as a good storyteller who loves entertaining plots, having a subtle sense of humor and a satirical gift. A literary experience of A. G. Dostoevskaya is interesting as texts of the pupil of the great writer whose artistic skill developed as a result of a long-term spiritual ties and joint creative work with Dostoevsky. The article has a supplement of Anna Dostoevskaya’s literary works published for the first time.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, literary heritage, dynasty, family, farcical play, manuscript, Marmeladov’s confession

REFERENCES

1. Bogdanov N. N. «*Litsa neobshchim vyrazhen'em...*». *Rodstvennoe okruzhenie F. M. Dostoevskogo* [“*With an Uncommon Expression of Face...*”. *The Family Environment of F. M. Dostoevsky*]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2014. 468 p. (In Russ.)

2. Brokgauz F. A., Efron I. A. *Entsiklopedicheskiy slovar': v 86 tomakh* [Encyclopedic Dictionary: in 86 Vols]. St. Petersburg, Tipografiya aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron Publ., 1902, vol. 35. 476 p. (In Russ.)
3. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo (1506–1933)* [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty (1506–1933)]. Moscow, Sever Publ., 1933. 443 p. (In Russ.)
4. Grossman L. P. Dostoevsky's Companion. In: *Teatral'noe obozrenie* [The Theatre Review], 1921, no. 6, pp. 9–11. (In Russ.)
5. Dostoevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda* [Diary for the Year 1867]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 452 p. (In Russ.)
6. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
7. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii ego docheri L. Dostoevskoy* [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 245 p. (In Russ.)
8. Dostoevskaya L. F. *Moy otets Fyodor Dostoevskiy* [My Father Fedor Dostoevsky]. Moscow, Boslen Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memoirs]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 393 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 2. 616 p. (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2007, vol. 7. 990 p. (In Russ.)
12. From the Memoirs of M. N. Stoyunina About A. G. Dostoevskaya. In: *F. M. Dostoevskiy: Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky: Articles and Materials]. Leningrad, Moscow, 1924, issue 2, pp. 578–582. (In Russ.)
13. Kagarlitskiy Yu. On Farcical Plays in General and on Fielding's Farcical Plays in Particular. In: *Filding G. Farsy* [Fielding Henry. Farcical Plays]. Moscow, 1980. Available at: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/kagarlickij-o-farsah-filinga.htm> (accessed on September 15, 2018). (In Russ.)
14. Kovrigina Z. S. The Last Months of Anna Dostoevsky's Life. In: *F. M. Dostoevskiy: Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky: Articles and Materials]. Leningrad, Moscow, 1924, issue 2, pp. 583–590. (In Russ.)
15. The Notes of A. G. Dostoevskaya to Literary Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, no. 2, pp. 81–137. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (accessed on September 15, 2018). (In Russ.)
16. Stoyunina M. N. My Memories About the Dostoevskys. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1993, pp. 196–202. (In Russ.)
17. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: Istoriko-biograficheskie ocherki* [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)
18. Stakensneider E. A. *Dnevnik i zapiski* [Diary and Notes]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1934. 582 p. (In Russ.)
19. Yurkovskiy A. What Is Necessary for Being a Good Parliamentary Stenographer. In: *Voprosy stenografii* [The Issues of Shorthand], 1923, no. 1, January–March, pp. 16–20. (In Russ.)

Received: September 20, 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ

<1>

Источник текста: РГАЛИ. Ф. 212.1.150. Л. 19–22.

Публикуется впервые.

Сергѣй Ивановичъ Путилинъ только что получилъ очень непріятную телеграмму. Его увѣдомили изъ Карлсбада что его дядя, поѣхавшій туда лечиться, вдругъ почувствовалъ себя такъ дурно, что доктора стали опасаться за его жизнь. Старый слуга, сопровождавшій больнаго на воды, убѣдительноше просилъ Сергѣя Ивановича пріѣхать не медля, такъ какъ не зналъ что ему дѣлать въ случаѣ смерти барина. Сергѣй Ивановичъ мигомъ рѣшился. Онъ очень любилъ своего старика дядю, который былъ его опекуномъ и воспитателемъ съ малыхъ лѣтъ; Сергѣй Ивановичъ рано лишился родителей¹⁾ (6 лѣтъ, отца же своего вовсе не помнилъ.) Но кромѣ того у него была надежда получить послѣ дяди значительные деньги, а въ нихъ С. И. давно чувствовалъ большой недостатокъ. Дядя былъ еще не особенно старъ и т. к. пользовался всегда хорошимъ здоровьемъ, то и не думалъ дѣлать завѣщанія; теперь же могло случиться что наслѣдство перейдетъ въ другія руки и тогда на долю С. И. пришлось бы очень не много. С. И. зналъ что слѣдуетъ отправиться какъ можно скорѣе. Долго не мѣшкая, онъ досталъ себѣ позволеніе ѣхать и въ двѣн. часовъ пріѣхалъ въ Консульство за заграничнымъ паспортомъ.

Чиновникъ, взявъ его просьбу, объявилъ что онъ паспорта сегодня не получить, а что пусть пожалуетъ завтра.

— Нельзя ли пожалуста сегодня, мнѣ необходимо сегодня же ѣхать, у меня дядя умираетъ.

— У насъ такъ много просьбъ что мы не можемъ всѣхъ удовлетворить въ тотъ же день.

— Но сдѣлайте исключеніе для меня, если можно. Бываютъ же случаи что выдаютъ въ тотъ же день.

Чиновникъ посоветовался съ другимъ и обѣщаль приготовить сегодня къ 2м<ъ> часамъ. Пока они между собою разговаривали, къ столу подошла прислушившаяся къ ихъ разговору дѣвица, не молодыхъ уже лѣтъ, высокаго роста, съ блѣдно голубыми глазами и страшнымъ количествомъ веснушекъ на лицѣ. На ломаномъ русскомъ языкѣ она стала просить чиновника выдать сегодня и ей.

— Пашалуста, стелайте одолшеніе... Мнѣ нушна къ воскресенья быть у Гамбургъ. Мой мамахенъ выходитъ замужъ за папахенъ, я долженъ быть на сватѣбъ...

¹⁾ Вписан незачеркнутый вариант: имѣлъ несчасіе лишиться матери

— Но сударыня, я право не могу, вѣдь если всѣ будутъ требовать, то...

— Но пошалуста, Г^{нб} чиновникъ, пошалуста, прошу васъ. И дѣвица стала такъ умолять, что чиновникъ, чтобъ отъ нея отвязаться, обѣщаль приготовить и ей.

Чтобъ не терять времени даромъ С. И. отправился домой, уложилъ свой чемоданъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія и ровно въ 2 часа былъ уже въ консульствѣ: Чиновникъ съ любезнымъ видомъ подалъ ему бумагу, которую С. И. и положилъ себѣ въ карманъ не читая. Выходя на улицу, С. И. припомнилъ что ему слѣдуетъ дать довѣренность своему адвокату по одному важному для него дѣлу: онъ не зналъ сколько времени обстоятельства заставятъ его прожить за границей. Ѣхать къ знакомому нотариусу было не по дорогѣ, онъ и велѣлъ везти себя къ ближайшему. Нотариусъ попросилъ показать видъ. Прочитавъ его, онъ съ улыбкою воротилъ его и сказалъ:

— Позвольте, вѣдь это не вашъ паспортъ?

— Нѣтъ, мой.

— Но вѣдь это дамскій паспортъ<.>

— Какъ дамскій, что вы говорите?

— А вотъ извольте посмотрѣть.

С. И. поспѣшно схватилъ бумагу, прочелъ и къ своему крайнему удивленію увидѣлъ что это былъ дѣйствительно не его. На немъ стояла фамилія какой-то госпожи Amalie Kopfschmerzen aus Hamburg. Очевидно тутъ вышла ошибка и чиновникъ выдалъ ему чужой видъ. С. И. страшно расхохотался, рассказалъ исторію нотариусу и бросился назадъ въ Консульство.

— А вѣдь вы дали мнѣ чужой паспортъ, позвольте-ка мой, весело сказалъ онъ чиновнику возвращая бумагу.

— Какъ не Вашъ, быть не можетъ! Онъ развернулъ бумагу и досада промелькнула на его лицѣ.

— Ахъ Боже мой, что я сдѣлалъ! Какая досада! Я отдалъ Вашъ паспортъ той глупой нѣмкѣ, которая такъ ко мнѣ приставала. Больше я никому не выдавалъ изъ подавшихъ просьбу сегодня. Я ваши паспорта отдалъ вмѣстѣ приготовить. Тутъ я заговорился, она стала приставать, я ей и отдалъ.

— Что жъ я-то буду дѣлать?

— Не безпокойтесь пожалуста, все это разъяснится. Я вамъ сейчасъ дамъ ея адрессъ, вы поѣзжайте къ ней и перемѣните. Дѣло кончится смѣхомъ.

— Но вдругъ она уѣхала?

— Ну я не думаю этого! Она нарочно придумала что ѣдетъ сегодня, ей не хотѣлось приходиться лишній разъ сюда. Повѣрьте что она преспокойно сидитъ дома.

С. И. въ большой досадѣ сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти себя къ этой нѣмецкой дѣвицѣ. Оказалось что она живетъ гдѣ-то у Знаменья, въ огромномъ каменномъ домѣ почти сплошь занятомъ меблированными комнатами, и онъ насилу нашелъ ея квартиру. Тутъ ему пришло<съ> порядочно потерять времени и посердиться. Ему сказали что барышня съ часъ тому

назадъ расплатилась и уѣхала, но кажется не на машину, а должно быть къ той своей знакомой съ которой ѣдетъ въ Ср. Мѣщ., потому что туда принимала извозчика. Стали искать хозяйку, которой былъ навѣрно извѣстенъ адресъ нѣмки. Но какъ на зло хозяйка куда-то вышла и С. И. пришлось прождать добрые полчаса. Наконецъ хозяйку нашли и она объяснила что нѣмка, съ которой поѣдетъ Фр. Amalie содержитъ въ Ср. Мѣщ. табачную лавочку и ѣдетъ въ Гамбургъ для свиданія съ родными, что нѣмка врядъ-
<ли> успѣла собраться и что по всей вѣроятности поѣдутъ завтра. № дома она не знала, но рассказала какъ его найти. У С. И. явилась надежда что его поиски наконецъ кончатся. Не отлагая дѣла въ долгій ящикъ онъ поѣхалъ въ Ср. Мѣщанскую и здѣсь послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ розыскалъ табачную лавочку. Но какъ же онъ былъ пораженъ когда тамъ ему сказали что хозяйка съ Ф. Ам. уѣхали на машину. С. И. былъ внѣ себя отъ досады и ужасно бранилъ себя зачѣмъ ему не пришло въ голову ѣхать прямо на желѣзную дорогу. Бѣгомъ бросился онъ изъ лавочки, схватилъ перваго попавшагося извозчика и велѣлъ ему гнать изъ всѣхъ силъ; на бѣду извозчикъ попался не бойкій и какъ не хлесталъ лошадь, а она подвигалась тихо. Кончилось тѣмъ что онъ пріѣхалъ въ вокзалъ десять минутъ спустя какъ уѣхалъ поѣздъ. Что было дѣлать! Никогда еще онъ не былъ такъ золъ какъ въ эту минуту и попадись ему на встрѣчу прекрасная Амалія съ ея весноватымъ лицомъ, онъ кажется прибилъ бы ее. Но на ея счастье она не попалась. Наконецъ онъ надумался послать ей телеграмму и просить ее остановиться въ Лугѣ, куда онъ пріѣдетъ съ слѣдующимъ поѣздомъ чтобы возвратитъ ей ея видъ. Телеграмма была пространная, но по несчастью къ ней какъ послѣ оказалось не попала. Кондукторъ, розыскивавшій ее, прошелъ по всѣмъ вагонамъ, громко повторяя: телеграмма Г^{жѣ} Кошмерцевой — — —, но таковой не оказалось. Беззаботная Амалія, хоть и слышала что онъ что-то говоритъ, но зная плохо по русски да и не ожидая себѣ телеграммы, конечно не обратила на это вниманія. Въ досадѣ пообѣдалъ онъ на станціи боясь пропустить слѣдующій поѣздъ и не попасть сегодня же въ Лугу. О, какъ онъ на себя сердился. И все это изъ за глупой разсѣянности! Еслибъ онъ тогда же посмотрѣлъ на паспортъ то не вышло бы для него столько досады! Но кто бы могъ предположить такую неожиданность! Но больше всего онъ сердился на эту весноватую нѣмку, виновницу всѣхъ его несчастій.

Какъ онъ ни осматривался въ вокзалѣ въ Лугѣ — онъ не видѣлъ нигдѣ Амаліи. На его разпросы сторожа увѣрили что съ почтоваго поѣзда всѣ тотчасъ ушли и что никакой дамы они не замѣтили. Значитъ она или не получила телеграммы или же не поняла ее. Тутъ ужъ бѣднымъ С. И. овладѣло совершенное отчаяніе. Кромѣ досады его безпокоила мысль что ему не пришлось сегодня уѣхать и что онъ такимъ образомъ рискуетъ не застать дядю въ живыхъ. Но дѣлать было нечего, пришлось покориться злой судьбѣ и въ уныніи ждать 2–3 часа слѣдующаго поѣзда чтобъ добраться до Петербурга.

На другой день онъ поѣхалъ въ консульство, рассказалъ свои неудачныя похождения и просилъ выдать вторичный видъ. Ему отвѣтили что это сдѣлать нельзя, а что беззаботную Амалію во всякомъ случаѣ не пропустятъ черезъ границу съ мужскимъ паспортомъ и она засядетъ въ Эйдкуненѣ, поэтому всего лучше ему прямо ѣхать и тамъ уже розыскать эту весноватую красавицу. Онъ такъ и рѣшилъ, но возвратясь домой онъ нашелъ у себя на столѣ вторую телеграмму совершенно успокоившую его на счетъ дяди: доктора ручались за его жизнь и ѣхать немедленно не предстояло необходимости.

Между тѣмъ поѣздъ благополучно привезъ беззаботную Амалію на границу. Въ Эйдкуненѣ осмотръ паспортовъ и Амаліи пришлось вынуть свой. Чиновникъ осмотрѣлъ паспортъ и подавая ей обратно сказалъ:

— Позвольте вашъ паспортъ.

— Какъ?

— Я говорю позвольте вашъ паспортъ.

— Но у меня нѣтъ другой.

— Это вѣрно вашего супруга, гдѣ же вашъ?

— Мой супругъ, у меня нѣтъ супруга, я дѣвица.

— Такъ чей же это, это мужской, здѣсь написано Сергѣй Ив. Путилинъ.

— Что-о-о! Какой Пютилкинъ! Я не понимаю.

Нѣмкѣ показали видъ и тутъ-то въ первый разъ къ своему великому ужасу она увидѣла что это паспортъ не ея, а какого-то Пютилькина. Она ничего не понимала!

— Я не понимаю, у меня нѣтъ другой пасъ, я заплатилъ fünf Rübел, и мнѣ дали бумагъ, я не знай.

— Да увѣряю же васъ что здѣсь написано имя мужчины, Путилина. А вы вѣдь дама.

— Ну такъ чтожъ что дама, и пускай. Возьмите мой пасъ и пустите меня ѣхать, скоро звонокъ.

— Нѣтъ сударыня, едакъ нельзя, съ чужимъ паспортомъ нельзя ѣхать. Мы васъ не выпустимъ, извините.

— Какъ не выпустилъ, я mein Geld платилъ, fünf Rübел, а ви меня не пустилъ, это обманъ.

— Дайте намъ Вашъ паспортъ и поѣзжайте съ Богомъ.

Амалія протестовала и стала горячиться. Это обратило вниманіе другихъ чиновниковъ и они подошли. Одинъ изъ нихъ взялъ на себя трудъ разспросить ее и страшно расхохотался догадавшись въ чемъ дѣло. Бѣдной Амаліи объявили что хоть тутъ и вышла ошибка, но что ее все-таки не пустятъ и что ей придется остаться здѣсь пока дѣло разъяснится и пока ей вышлютъ видъ.

Извѣстіе это привело Амалію въ совершенное бѣшенство. Она бранилась, кричала, визжала, плевалась, называла русскихъ «швинни<>», грозила что она никогда не пріѣдетъ къ руски швинямъ, обѣщала жаловаться нѣмецкому начальству что у ней взяли fünf Rübел дали ей какую-то «путилку». Она ужасалась тому, что теперъ не попадетъ на свадьбу свой мамахенъ съ свой

папахенъ и что ей не придется подарить въ сей знаменательный для нихъ день связанную ею собственноручно салфетку на комодъ, а папахенъ своего рукодѣлья красный гарусный колпакъ съ синей кистью. Даже пыталась въ доказательство своихъ словъ вынуть изъ своего саквояжа вышеозначенные подарки. Однимъ словомъ, гнѣву ея не было конца. Чиновники сначала смѣялись ея угрозамъ, но подконецъ имъ надоѣло слышать визги и плачь несчастной дѣвы. Они пригрозили ей что запрутъ ее куда-то и дѣва мигомъ укротилась. Впрочемъ ей н<е> пришлось долго жить въ Е. На слѣдующій день пограничное начальство получило отъ Путилина ея паспортъ тотчасъ же поспѣшило отправить ее на родину. Паспортъ Путилина былъ высланъ ему обратно; но ему не пришлось имъ воспользоваться такъ какъ дядя кончилъ свое леченіе въ Карлсбадѣ благополучно и черезъ мѣсяць вернулся въ Петербургъ.

Источник текста: РГАЛИ. Ф. 212.1.150. Л. 22 об. — 23 об.

Записи сделаны карандашом.

Публикуется впервые.

Былъ теплый ясный Юльскій вечеръ. Воздухъ широкой струей входилъ въ окно одной изъ подгородныхъ дачъ Москвы. Небольшая столовая лампа слабо освѣщала комнату. Въ ней было такъ тихо, что съ перваго взгляда можно было подумать что въ ней никого нѣтъ. На небольшой кушеткѣ, уткнувшись въ подушку лежала молодая женщина и горько плакала. Это была красивая, высокая женщина, лѣтъ 24, съ прелестнымъ, милымъ и добрымъ <лицомъ>. Она глубоко страдала.

И еще такъ недавно, еще сегодня утромъ, она была такъ полна жизнью, такъ счастлива и довольна. Она страстно любила своего мужа, онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Ихъ сынъ маленькій Коля росъ и очень ее радовалъ. Все было такъ тихо, спокойно и она справедливо считала себя самой счастливой женщиной въ мірѣ. И вдругъ все это рушилось, все погибло и она стала страшно несчастна.

Настасья Алекс. была уже 5 лѣтъ замужемъ и чрезвычайно гордилась своимъ замужествомъ. Рѣдко кто могъ похвалиться такимъ душевнымъ согласіемъ, какое было въ ихъ семьѣ. Она высоко ставила своего мужа, страстно любила его, считала его самымъ умнымъ, великодушнымъ и деликатнымъ человѣкомъ и подчасъ считала себя недостойною его. Въ эти пять лѣтъ имъ случалось ссориться но эти ссоры кончались быстро, не оставляя послѣ себя горькихъ слѣдовъ. Но это было лишь въ первое время ихъ супружества. Теперь же они такъ сжились и сошлись другъ съ другомъ что какъ то трудно было даже поссориться. Алекс. Павлов. былъ славный добрый и мягкій человѣкъ, искренно любившій жену и сознававшій свое счастье.

И вдругъ она узнаетъ, сегодня, часъ тому назадъ, что она обманута, обманута тѣмъ человѣкомъ, которому отдала вполнѣ свое сердце, въ которомъ

видѣла свой идеаль<, > свое счастье и въ котор. никогда не сомнѣвалась! И обманута низко, подло, жестоко, пользуясь безграничною ея въ него вѣрою. Это было ужасно и это ее страшно мучило. Иногда она переставала рыдать, садилась, начинала разсѣянно осматриваться кругомъ, объ чемъ-то думать, но вдругъ ужасная мысль опять являлась въ ея умъ и она опять бросалась на подушку и плакала плакала. . . . Затѣмъ она начинала припоминать какъ это случилось. 5 мѣсяцевъ тому назадъ, еще въ Москвѣ, она встрѣтила на улицѣ свою бывшую товарку, съ которой вмѣстѣ училась съ маленькихъ классовъ и которую потомъ потеряла изъ виду. Она всегда ее любила и была поражена тою ужасною переменною которая произошла съ Ольгою Павловн. въ эти пять лѣтъ. Она оставила О. П. красивой полною здоровья 18 лѣт. дѣвушко<ю, > а встрѣтила больную, страшно худую, съ болѣзненнымъ раздраженіемъ и несчастную дѣвушку. Они разговорились. О. Павл. рассказала свою довольно печальную исторію за эти 5 лѣтъ. Прямо съ школьно<й> скамьи она должна была начать добывать свой хлѣбъ. Ей не посчастливилось и она перемѣнила нѣсколько мѣстъ и подконецъ стала очень тяготиться своею дѣятельностью. Живя у купцовъ въ качествѣ гуверн. она захворала тифомъ, и заботливая мать подъ предлогомъ заразительности болѣзни, распорядилась отправить ее изъ дому. И вотъ она пролежала два мѣс. въ меблиров. комнатѣ, безъ знакомыхъ и родныхъ, которые жили въ провинціи. Чуть стала она поправляться какъ должна была снова искать себѣ занятій. Ея денежные средства, и безъ того небольшія, теперь за болѣзнь сократились значительно. Хозяйка требовала за квартиру, беспокоили и другіе долгишки. Наст. Алекс. была очень тронута и упростила О. П. переѣхать на время къ ней, а сама обѣщала пріискать ей какія либо занятія. Они были такія старинныя и близкія пріятельницы что О. П. согласилась отдохнуть нѣсколько времени въ ея семьѣ. Алекс. Павл. былъ сначала непріятно пораженъ увидавъ у себя въ домѣ новое лицо, но по добротѣ своей скоро примирился съ этимъ. Дѣло шло къ лѣту и они стали собираться на дачу, Н. Ал. уговорила и О. П. провести у нихъ <лето> тѣмъ болѣе что ей необходимо было укрѣпить свое здоровье прежде чѣмъ опять приняться за трудъ.

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30469. 22 л.
Публикуется впервые.

**Рекомендація.
(фарсъ)
А. Г. Достоевской.**

Сочиненъ экспромптомъ въ 1896 году. На тему навели посѣтители, нанимавшіе прислугу²⁾, которая написала въ газетн. объявленіи, что ее рекомендуетъ Г^{жа} Достоевская.

Дѣйствіе 1^е

Лакей. Ну вотъ, звонилъ-звонилъ, а ты все отворишь не можешь!

Горничная. Чтожъ что звонилъ, не велика птица — подождешь. Зачѣмъ пришелъ?

Лакей. Да вотъ моя генеральша къ твоей генеральшѣ письмо прислала и чтобъ сейчасъ отвѣтъ написали.

Горничная. Не будетъ тебѣ отвѣта.

Лакей. А почему бы такъ?

Горничная. Моя генеральша на три дни на Иматру поѣхала. Ёдутъ они въ Крымъ, а Мадамъ Деманъ барышнѣ платьевъ не изготовила, недѣлю сроку просить. Вотъ барыня и говоритъ,³⁾ чѣмъ въ душномъ городѣ жить, поѣдемъ, Оля, вольнымъ воздухомъ подышать. И поѣхали.

Лакей. А тебя чтожъ не взяли?

Горничная. А мнѣ отъ мѣста отказано.

Лакей. Да неужели? Опять тебѣ мѣсто искать!

Горничная. Ужъ видно судьба у меня такая! Только усядусь на мѣстѣ — а ужъ меня и отказали!

Лакей. Да за что-же?

Горничная. Извѣстно по капризамъ, по господскимъ: Зачѣмъ поздно встаешь, ничего не дѣлаешь, пыли не сметаешь. А что ее сметать коли она опять садится! Ну да мѣстъ много, другое найду. Одна бѣда, барыня рекомендаціи не даетъ: Посуди, говоритъ, Дуняша, какую я тебѣ по совѣсти рекомендацію должна дать: ну и пошла высчитывать всѣ мои провинки. Только, шалишь, не на дуру напала. И не хочетъ да рекомендацію дастъ, заставлю.

Лакей. Ну вотъ, чѣмъ же ты ее заставишь?

²⁾ Далее зачеркнуто: А. Гр.

³⁾ Далее зачеркнуто: поѣдемъ, Лулу,

Горничная. Я вотъ что придумала: Какъ узнала что они на три дни уѣзжаютъ, я возьми да и напечатай въ газетахъ: «Рекомендуетъ свою служанку Г^{жа} 4) Ѳедоровская». А вѣдь ты знаешь, наша барыня послѣ своего барина большимъ почетомъ пользуется. Ну, думаю, навѣрно ея рекомендація подѣйствуетъ. Вотъ теперъ сижу и жду.

Лакей. Да вѣдь ее же нѣтъ. Ктожъ тебя рекомендовать-то будетъ?

Горничная. Да вовсе и не надо. Я въ коробочкѣ взяла барынину визитную карточку, а на ней кумъ-фелшеръ такую мнѣ рекомендацію написалъ что чудо. Развѣ станутъ справляться кто писалъ?

Лакей. Ну есть господа, которые и лично захотятъ поразспросить!

Горничная. А на этотъ случай у меня знакомая припасена. Она бывшаго квартальнаго вдова, у насъ на заднемъ дворѣ живетъ. Прежде, при квартальномъ-то, хорошо жили! Я, говоритъ, какъ двуличневый капоть надѣну, да съ лиловыми лентами чепчикъ, такъ меня отъ заправской барыни не отличишь! Да и по обхожденію тоже. Видала виды. Теперь у меня на кухнѣ сидитъ, во всемъ парадѣ, кофей пьетъ. Если мѣсто достану, ей рубль заплачу.

(Слышенъ звонокъ)

Горничная. Да уходи ты ради Бога, слышишь, звонятъ.

Лакей. Ну ужъ и дѣвушка же ты! (уходитъ.)

Дѣйствіе II

Входитъ дама строгаго вида.

Дама. Васъ рекомендуетъ Г^{жа} 5) Петровская?

Горничная. Меня-съ!

Дама. Отчего Вы отъ нея отходите?

Горничная. Не сошлись характерами. Нечего говорить — барыня моя — дама обходительная, добрая, но если не потрафишь — такъ вспылитъ что ужась. Намедни, я въ пять часовъ утра домой вернулась, она на меня какъ почнетъ кричать: уходи вонъ, я такую держать не буду! Потомъ обошлась — ничего, обмякла. Извини, говоритъ, меня, Дуняша, виновата, погорячилась! Нѣтъ, говорю, барыня, благодарю покорно. Я всѣмъ Вами довольна, но служить у Васъ не могу. У меня сложеніе нѣжное, хрупкое. Вѣдь не у однихъ госпожъ невры бываютъ, и у меня невры есть. Мой кумъ-фелшеръ говоритъ — береги невры пуще всего. Я теперъ какъ вспомню про давшнее — такъ у меня сейчасъ слеза и сердцебіеніе. — Ну, Богъ съ тобой, Дуняша, уходи, говоритъ барыня. Насильно держать не буду. А тебѣ за обиду я шерстяное платье дарю

4) Далее зачеркнуто: Воскресенская

5) Далее зачеркнуто: Воскресенская

и 5 руб. денегъ и на счетъ рекомендаціи не откажу. А когда твоя невра поправится — опять приходи, возьму съ удовольствіемъ.

Дама. Вы конечно знаете, въ чемъ состоятъ Ваши обязанности?

Горничная. У разныхъ хозяевъ и обязанности разныя.

Дама. Вы чтоже умѣете дѣлать?

Горничная. Все-съ.

Дама. Ну это положимъ много. Шить умѣете?

Горничная. По правдѣ я не шивала, но могу шить. Наука не мудреная, руки тоже есть. Только покажите какъ шьютъ.

Дама. Умѣете гладить тонкое бѣлье?

Горничная. Ну ужъ за это не возьмусь: утюгъ меня не слушается. Какъ ни стараюсь, а навѣрно разорву. Намедни барыня дала кружевной платокъ выгладить, ужъ бранила потомъ бранила.

Дама. Я требую отъ прислуги чистоплотности. У Васъ будетъ отдѣльная комната, надо держать ее опрятно. Главное, чтобъ клоповъ не было.

Горничная. Ну ужъ это никакъ невозможно чтобъ клопа не было. Въ Петербургѣ ужъ климатъ такой. Клопъ русскаго человѣка любить: его и не заводишь, да онъ самъ заведется.

Дама. Есть у Васъ знакомые? Я не люблю когда у прислуги много знакомыхъ.

Горничная. У меня только и есть знакомыхъ что кумъ-фелшеръ. Онъ почитай каждый день меня навѣщаетъ.

Дама. Ну это не годится. Я этого допустить не могу.

Горничная. Помилуйте, сударыня, вѣдь онъ мнѣ кумъ. Мы съ нимъ дѣтей крестили, у насъ есть всегда объ чемъ потолковать.

Дама. Я вижу, Вы мнѣ не подходите, прощайте (уходитъ.)

Горничная. Ну ужъ и барыня, нечего сказать требовательная: умѣй и шить и стирать, клопа не заводи и фелшера не принимай — да этакъ жить на свѣтѣ нельзя будетъ. Нѣтъ, ищи себѣ въ другомъ мѣстѣ, а я себѣ мѣсто вальготнѣ найду.

Дѣйствіе III

(Входитъ пожилая, толстая купчиха
видимо запыхавшись.)

Купчиха. Охъ устала, моченьки моей нѣтъ, не могу по лѣстницѣ подыматься. Знала бы что такъ высоко лѣзть — ни въ жисть не пошла-бы! Такъ это ты наниматься хочешь?

Горничная. Я-съ.

Купчиха. Жидковата ты будешь какъ я погляжу.

Горничная. Чѣмъ жидковата, я здорова. Развѣ у Васъ дѣло какое особенное?

Купчиха. Да почитай и дѣла никаго нѣтъ, только самого уговаривать.

Горничная. Какого самага?

Купчиха. Да вот видишь, голубушка ты моя, хозяинъ мой добръющей души человекъ, но во хмѣлю звѣрь сущій. Такъ его у насъ въ Апраксинѣ звѣремъ и зовутъ. Я ему — «побойся ты Бога», а онъ мнѣ трахъ въ зубы. Протрезвится — говоритъ — сама виновата — урезонивай. А какъ его урезонишь какъ онъ на тебя съ кулаками лѣзеть. Зачѣмъ, говоритъ, уговаривать не умѣешь — убѣдительности въ тебѣ нѣтъ. А гдѣ мнѣ ее взять — убѣдительности? Вотъ я и хочу нонѣ взять горничную съ убѣжденіемъ.

Горничная. Нѣтъ, сударыня, ужъ я на такое мѣсто не пойду.

Купчиха. Повѣрю, матушка, всякій свою спокойствія ищетъ. У меня вѣдь горничныя больше трехъ день не живутъ, всѣ со скандаломъ уходятъ.

(Входитъ отставной генераль.)

Купчиха. Проводи ты меня голубушка, я сама дороги не найду.

Горничная. Извольте. Съ моимъ удовольствіемъ. (Къ Генералу) Пожалуйте, я сейчасъ вернусь.

Дѣйствіе IV

(Генераль одинъ, стоитъ передъ зеркаломъ, вынимаетъ щеточку и приглаживаетъ волосы и бакенбарды, затѣмъ осматривается.)

Генераль. Ничего, хорошее помѣщеніе, картины, лампы, рояль... (обращаясь къ публикѣ.) Вы думаете, я прислугу нанимать пришелъ? Ничуть не бывало! Я пришелъ сюда чтобъ какъ нибудь убить время. Прежде когда молодъ былъ — служилъ и времени ни на что не хватало. А вышелъ въ отставку — цѣлый день нечего дѣлать. Вотъ я и занялся нумизматикой и принялся составлять себѣ коллекцію. Сначала жена смотрѣла на это спустя рукава, а потомъ вдругъ уменьшила мнѣ денежные ресурсы. Ну а безъ ресурсовъ какая коллекція! Да и сама жена постарѣла, обрюзла⁶⁾, ко мнѣ во всемъ придирается. Даже въ пыли меня упрекаетъ, каково? «Это оттого у насъ пыль что нашъ нумизматъ чиститъ кирпичемъ свои монеты». Даже названье мнѣ придумала «нашъ нумизматъ», другаго и имени мнѣ нѣтъ. — Представьте, прочла наемни о девальваціи и хлопъ въ обморокъ. Привели въ чувство. «Неужто, говоритъ, у насъ монетную систему введутъ? Мнѣ и твои-то монеты надоѣли». Цѣлую недѣлю докторъ ѣздилъ. — Ахъ, что я? Такъ вотъ чтобъ съ женой не ссориться я и сталъ уходить часа на три изъ дому. Сталъ я ходить по объявленіямъ — гдѣ продаются вещи, покупаютъ имѣнія, ищутъ занятія — захожу, осматриваю, разговариваю, знакомства завожу, анъ три-то часа

⁶⁾ Так в подлиннике.

и пройдутъ. Сегодня прочель: «рекомендуетъ прислугу Г^{жа} 7) Петровская» — думаю, пойду познакомлюсь. А, вотъ и дѣвушка! (Горничная входитъ.)

Генераль. Такъ вы, милая, хотите поступить на мѣсто? Гмъ... А въ которомъ году Вашъ хозяинъ померъ?

Горничная. Какой хозяинъ?

Генераль. Да вотъ литераторъ-то этотъ, какъ его... Воскресенскій.

Горничная. Я не знаю-съ, я у нихъ недавно.

Генераль. Умный былъ человѣкъ, умный. Я его въ молодости еще хотѣлъ прочитатъ, да тогда времени не было, а теперь — глаза не позволяютъ. — Такъ много книгъ написалъ?

Горничная. Цѣлый шкафъ. Книгъ двѣсти будетъ. У барыни въ кабинетѣ на пяти полкахъ книги, большія, маленькія, среднія, на корешкахъ все написано «Воскресенскій».

Генераль. Те-те-те! И какъ это его угораздило такую уйму книгъ написать?

Горничная. А ужъ не знаю-съ.

Генераль. Ну а барыня что?

Горничная. Барыня, ничего-съ!

Генераль. Не плачетъ по покойникѣ?

Горничная. Да они ужъ лѣтъ двадцать помѣрши, гдѣ ужъ тутъ плакатъ.

Генераль. И то правда... Гмъ... Ну, прощай, милая, желаю тебѣ мѣста хорошаго, а я пойду, мнѣ пора домой. (уходитъ).

Горничная. Вотъ чудакъ-то, и зачѣмъ приходилъ. Ахъ опять кто-то идетъ.

Дѣйствіе V

Входитъ не старая женщина, очень пестро одѣтая.

Горничная. Вы, сударыня, не на счетъ-ли прислуги?

Чиновница. А развѣ вы та самая и будете, что въ газетѣ печаталась?

Горничная. Я та самая и есть.

Чиновница. Видите, голубушка, мнѣ не горничная нужна, а нянюшка, да не простая, а по форсистѣ, въ чепчикѣ и съ передникомъ.

Горничная. Я въ нянькахъ не служила, а впрочемъ отчего не попробовать, особливо коли хорошее жалованье.

Чиновница. Я за деньгами не стою, мнѣ только чтобъ парадная нянька была, чтобъ видѣли пріятельницы на какую я ногу дѣтей веду. Деньги у насъ есть. Мой мужъ небольшого чина, но онъ управляетъ разными домами. Ну доходы и есть: у него во всѣхъ домахъ круглый годъ ремонтъ идетъ. Всѣмъ бы моя жизнь была хороша, да вотъ дѣти одолѣли. Посуди сама, восемь человѣкъ — малъ-малъ⁸⁾ меньше. Ужъ такъ такъ надоѣли, что страсть!

Горничная. Восемь человѣкъ? Да гдѣ же за ними усмотрѣтъ?

⁷⁾ Далее зачеркнуто: Воскресенская

⁸⁾ Далее зачеркнуто: Воскресенская

Чиновница. Сама понимаю, что за такой оравой усмотрѣть невозможно. Мнѣ только чтобъ маленькій изъ колясочки не вывалился, да глазъ ему ворона не выклевала, а за другими и смотрѣть не нужно — всегда найдутся. — Ъсть захотятъ — домой придутъ. А который и съ синякомъ воротится и то не бѣда. Съ синяковъ дѣти растутъ.

Горничная. Нѣтъ, сударыня, съ дѣтьми большая забота.

Чиновница. Вотъ ты чужая да это говоришь, а мнѣ-то каково. Я вѣдь лѣтомъ только и дышу: какъ проснутся дѣти — маршъ въ садъ гулять и до обѣда домой не приходи, послѣ обѣда опять въ садъ, а вечеромъ какъ пришли — тотчасъ въ постель. Только лѣтомъ отъ дѣтей и отдыхаю. По истинѣ Божеское они наказаніе!

Горничная. А жалованье у Васъ какое?

Чиновница. Восемь рублей и горячее. У меня такое положеніе: за каждого ребенка по рублю. Девятый будетъ, девять получать будете.

Горничная. Нѣтъ ужъ, сударыня, извините, мнѣ такое мѣсто не подходитъ.

Чиновница. Несчастливая я, несчастная, никто-то не хочетъ войти въ мое положеніе (уходить.)

Горничная. Что за пропасть? какія мнѣ все мѣста попадаются. Опять кто-то звонитъ!

Дѣйствіе VI

Входитъ провинціалъ, кругленькій, толстенькій господинъ.

Провинціалъ. Здѣсь живетъ Гжа Воскресенская? Я прочиталъ объявленіе и желалъ бы видѣть вашу барыню.

Горничная. Онѣ не такъ здоровы-съ. Если на счетъ прислуги, то вотъ ихъ карточка-съ.

Провинціалъ. Нѣтъ, я желаю съ ними самолично поговорить.

Горничная. Хорошо-съ; я пойду, доложу-съ.

Дѣйствіе VII

Провинціалъ. Сегодня я прочелъ объявленіе — ну какъ было пропустить такой случай! Приѣхалъ я изъ Соликамска просить о ссудѣ на устройство въ городѣ мостовой. Хожу каждый день въ Министерство, а дѣло ни туда — ни сюда. Утромъ еще ничего, а послѣ трехъ — хоть помирай со скуки. Знакомыхъ ни души, всѣ Аркадіи и Ливадіи пересмотрѣлъ, просто хоть вѣшайся — боюсь не запить-бы мнѣ. Сегодня прочелъ объявленіе — дай, думаю, пойду познакомлюсь съ супругою знаменитости. Можетъ и знакомство пригодится, небось всѣхъ здѣсь начальниковъ знаетъ. Только вотъ бѣда: не помню хорошенько что онѣ такое писалъ. Не твердъ я на счетъ

литературы, хоть много лѣтъ на «Ниву» и подписываюсь. Ну да авось кривая вывезетъ!

Дѣйствіе VIII

Входитъ Анна Семеновна, вдова кварт. надзирателя, старомодно одѣтая.

Провинціалъ. Позвольте мнѣ, скромному жителю и дѣятелю города Соликамска представиться супругѣ знаменитаго нашего поэта, романиста, драматурга и писателя и выразить Вамъ какъ наша глухая провинція чтитъ отечественные таланты. Вѣдь Вы ихъ супруга, Анна Григорьевна?

Анна Семен. Нѣтъ-съ, я Анна Семеновна.

Провинціалъ. Позвольте, а какже на дверной досчечкѣ значитъ: Анна Григорьевна.

Горничная. (вмѣшиваясь). Онѣ Анна Григорьевна и Анна Семеновна вмѣстѣ. По отцу крестному — Анна Семеновна, а по отцу родному — Анна Григорьевна.

Провинціалъ. Ну, если такъ. . . Я радъ, достоуважаемая Анна Семеновна, душевно радъ, что, попавши въ столицу, могу лично лицѣзрѣть одну изъ достопримѣчательностей, такъ сказать, оной. Я воспользуюсь случаемъ, чтобы лично собрать нѣкоторые матеріалы, которыми я могу подѣлиться у себя въ Соликамскѣ. Позвольте мнѣ освѣдомиться, достоуважаемая Анна Семеновна, что больше любилъ писать Вашъ именитый супругъ — романы, драмы или комедіи.

Семеновна. (затрудняясь) Да какъ Вамъ сказать: онъ больше любилъ ломать комедію, Ваше Превосходительство.

Провинціалъ. (про себя) Значитъ, не ошибся, онъ былъ драматургъ!

Горничная. Анна Семеновна, я на минутку уйду, тамъ ко мнѣ кажись фелъшеръ пришелъ.

Провинціалъ. Уходите, голубушка, а мы тутъ съ Анной Семеновной побесѣдуемъ. Такъ Вы, достоуважаемая Анна Семеновна, съ супругомъ съ Вашимъ въ Сибири побывали?

Семеновна. Помилуйте, что Вы, никогда этого не бывало, Богъ миловалъ!

Провинціалъ. А какже я слышалъ будто Вашъ супругъ сосланъ былъ?

Семеновна. Клевета, Ваше Превосходительство, совершенная клевета. Мало-ли что люди наплетутъ, нельзя всему вѣрить.

Провинціалъ. Ну такъ я это спуталъ. (про себя) Это вѣрно Тургеневъ или Островскій въ Сибирь прогулялись!) А гдѣ же Вы жили съ Вашимъ супругомъ?

Семеновна. Въ Чухломѣ, Ваше Превосходительство, и могу сказать, что жизнь была хорошая. Обыватели насъ любили: кто курочку, кто поросенка, а кто и на пальто сукна принесетъ. Хорошія были времена!

Провинціалъ. Скажите пожалуйста. . . . Я было думалъ, что взятки прежде брали только въ судѣ да въ консисторіи, а оказывается, что и литераторы были тоже не безъ грѣха. Это такъ сказать «вещественные знаки невестественныхъ отношеній!» — Такъ вы говорите, матушка, носили?

Семеновна. Да какъ было и не носить? Подумайте, всѣ вѣдь въ его рукахъ были, надъ всѣми онъ власть имѣлъ.

Провинціалъ. Па-ни-маю, боялись что «аб-ли-читъ», вѣдь тогда на «абличенье» мода была. Да что вспоминать старыя времена, достоуважаемая Анна Семеновна, вамъ и теперъ не дурно живется. Пенсію получаете?

Семеновна. Какая пенсія, Ваше Превосходительство, 16 руб. съ полтиною въ мѣсяць, на что тутъ жить?

Провинціалъ. 16 съ копѣйками, ну это для столицы маловато. Вѣрно Вамъ дѣти помогаютъ. Они съ Вами живутъ?

Семеновна. Всѣ пять дочерей замужемъ.

Провинціалъ. Пять дочерей! Но у Васъ кажется былъ и сынъ?

Семеновна. Никогда сына не было, все дѣвчонки, грѣхи съ ними только. Выйдутъ замужъ и чрезъ годъ мужа бросятъ: не хочу дескать ему потрафлять, пусть онъ мнѣ потрафляетъ.

Провинціалъ. Скажите, какое стеченіе обстоятельствъ: пять дочерей и ни одного сына!!

Семеновна. Какъ я погляжу, Ваше Превосходительство, Вы человекъ добрый: Я хочу попросить Васъ не будетъ-ли Вашей милости похлопотать обо мнѣ на счетъ пособія или богадѣльни.

Провинціалъ. Помилуйте, достоуважаемая Анна Семеновна, какъ можно. Да Васъ благодаря Вашему имени вездѣ примутъ.

Семеновна. Да вотъ я вездѣ подавала, никуда не принимаютъ, лѣтъ, говорятъ, полныхъ Вашъ мужъ не выслужилъ.

Провинціалъ. А знаете что мнѣ пришло въ голову. Я вѣдь Городской Голова въ Соликамскѣ. У насъ тамъ есть богадѣльня. Такъ мы смѣстимъ кастанянушу, она у насъ сильно запиваетъ, и посадимъ Васъ, Анна Семеновна, какъ Вы думаете?

Семеновна. Явите Вашу божескую милость, Ваше Превосходительство, вѣкъ буду за Васъ Богу молить.

Провинціалъ. Вотъ у насъ обрадуются въ Соликамскѣ, что супруга такой знаменитости у насъ надъ порядкомъ въ богадѣльнѣ смотрѣть будетъ. Знай нашихъ! И мы, дескать, умѣемъ цѣнить отечественные таланты. Да и мнѣ не такъ зазорно будетъ что даромъ время провелъ въ Петербургѣ. Хоть ссуды не выпросилъ — такъ знаменитость привезъ — все не напрасно городскія деньги извелъ!

Горничная (пробѣгая чрезъ сцену). Ахъ что это, никакъ барынинъ звонокъ! Возвращается обратно, машетъ руками, очень взволнованная.

Горничная. Барыня вернулась. Семеновна, бѣги на кухню. (къ провинціалу) Уходите, уходите прочь, барыня пріѣхала. Ахъ что теперъ будетъ!

Провинціальъ. Чортъ возьми, что за оказія, какая барыня, ничего не принимаю!

Конецъ.

<Набросок на последнем (22-м) листе автографа фарса>

— Вы въ винтъ играть умѣете?

— Какже-съ, умѣю.

— Ну вотъ намъ такую и надо. Я изъ силъ выбилась съ винтомъ, съ этимъ. Ни поиграть на гитарѣ, ни помечтать, ни письма написать — ничего нельзя. Я и рѣшила найти горничную такую, чтобы въ винтъ играла — тогда я когда мнѣ надо, и скажу, что у меня голова болитъ, вотъ тетушка и отпуститъ меня отдохнуть, а Вы меня замѣните. Ей съ кѣмъ ни играть да играть.

<4>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29579. 18 л.

На л. 1 поставлена отметка о том, что к представлению дозволено в Санкт-Петербурге 1 сентября 1910 г.

Публикуется впервые.

Исповѣдь Мармеладова.

Сцена-Монологъ.

Заимствовано изъ романа Ф. М. Достоевскаго
«Преступление и Наказаніе» А. Г. Достоевскою

Сцена представляетъ комнату питейнаго заведенія. За буфетомъ — Хозяинъ, въ поддевкѣ и въ страшно засаленномъ черномъ атласномъ жилетѣ, безъ галстука. Тутъ-же мальчишка лѣтъ 14^и, который подаетъ если что спрашиваютъ. На сценѣ, на право, сидитъ отставной чиновникъ Мармеладовъ, человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, средняго роста и плотнаго сложенія, съ просѣдью и большою лысиной, съ отекившимъ отъ постоянного пьянства желтымъ, даже зеленоватымъ лицомъ и съ припухшими вѣками, изъ за которыхъ сіяютъ крошечныя, какъ щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Одѣтъ въ старый оборванный фракъ, съ осыпавшимися пуговицами. Изъ подъ нанковаго жилета видна манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо выбрито по чиновничьи, но давно уже, такъ что густо начала выступать сизая щетина. При поднятіи занавѣса входитъ студентъ Раскольниковъ, садится у стола на лѣво и спрашиваетъ бутылку пива.

Мармеладовъ (внимательно присматривается къ Раскольникову и громко и твердо говоритъ, обращаясь къ нему). А, осмѣлюсь-ли, милостивый

государь мой, обратиться къ вамъ съ разговоромъ приличнымъ? Ибо хотя вы и не въ значительномъ видѣ, но опытность моя отличаетъ въ васъ чело­вѣка образованнаго и къ напитку непривычнаго. Самъ всегда уважалъ образо­ванность, соединенную съ сердечными чувствами, и кромѣ того состою титулярнымъ совѣтникомъ. Мармеладовъ — такая фамилія; титулярный совѣтникъ. Осмѣлюсь узнать служить изволите?

Раскольниковъ. Нѣтъ, учусь...

Мармеладовъ. Студентъ, стало быть, или бывший студентъ? такъ я и ду­малъ! (Приложивъ палецъ ко лбу). Были студентомъ или происходили ученую часть! А позвольте... (Онъ привсталъ, покачнулся, захватилъ свою бутылку и стаканчикъ и подсѣлъ къ студенту, нѣсколько отъ него наис­кось). — Милостивый государь (началь онъ съ торжественностью), бѣдность не порокъ, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродѣтель, и это тѣмъ паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порокъ-съ! Въ бѣдности вы еще сохраняете свое благородство врожденныхъ чувствъ, въ нищетѣ-же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняютъ, а метлой выме­таютъ изъ компаніи чело­вѣческой, чтобы тѣмъ оскорбительнѣе было; и справедливо, ибо въ нищетѣ я первый самъ готовъ оскорблять себя. И от­сюда питейное! Милостивый государь, мѣсяцъ назадъ тому супругу мою избилъ г. Лебезятниковъ, а супруга моя не то что я! Понимаете-съ? По­звольте еще васъ спросить, такъ, хотя-бы въ видѣ простаго любопытства: изволили вы ночевать на Невѣ, на сѣнныхъ баркахъ?

Раскольниковъ. Нѣтъ, не случилось. Это что такое?

Мармеладовъ. Ну-съ, а я оттуда, и уже пятую ночь-съ...

(Разговоръ привлекъ общее вниманіе. Мальчикъ за стойкой сталъ хихи­кать; хозяинъ прислушивается, лѣниво, но важно позѣвывая).

Хозяинъ. Забавникъ! А для-ча не работаешь, для-ча не служите, коли чиновникъ?

Мармеладовъ (обращаясь исключительно къ Раскольникову). Для чего я не служу, милостивый государь, для чего не служу? А развѣ сердце у меня не болитъ о томъ, что я пресмыкаюсь втунѣ? Когда г. Лебезятниковъ, тому мѣсяцъ назадъ, супругу мою собственноручно избилъ, а я лежалъ пьянень­кой, развѣ я не страдалъ? Позвольте, молодой чело­вѣкъ, случилось вамъ... гмъ... ну хоть испрашивать денегъ займы безнадежно?

Раскольниковъ. Случалось. То есть какъ безнадежно?

Мармеладовъ. То есть безнадежно вполнѣ-съ, заранѣе зная, что изъ сего ничего не выйдетъ. Вотъ вы знаете, напр., заранѣе и досконально, что сей чело­вѣкъ, сей благонамѣреннѣйшій и наиполезнѣйшій гражданинъ, ни за что вамъ денегъ не дастъ, ибо зачѣмъ, спрошу я, онъ дастъ? Вѣдь онъ знаетъ же, что я не отдамъ. Изъ состраданія? Но г. Лебезятниковъ, слѣдящій за новыми мыслями, объяснялъ намеренія, что состраданіе въ наше время даже наукой воспрещено, и что такъ уже дѣлается въ Англии, гдѣ политическая

экономія. Зачѣмъ-же, спрошу я, онъ дастъ? И вотъ, зная впередъ, что не дастъ, вы всетаки отправляетесь въ путь и...

Раскольниковъ. Для чего же ходить?

Мармеладовъ. А коли не къ кому, коли идти больше некуда! Вѣдь надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непременно надо хоть куда нибудь да пойти! Когда единственная дочь моя въ первый разъ по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошелъ... (Хозяинъ, улыбаясь, качаетъ головой, мальчикъ фыркаетъ). — Ибо дочь моя по желтому билету живетъ-съ. — Ничего-съ, симъ покиваніемъ главъ не смущаюсь, ибо уже всѣмъ все извѣстно и все тайное становится явнымъ, и не съ презрѣніемъ, а со смиреніемъ къ сему отношусь. Пусть! Пусть! «Се Человѣкъ!» — Позвольте, молодой человѣкъ: можете-ли вы... Но нѣтъ, изъяснить сильнѣе и изобразительнѣе: не можете-ли вы, а осмѣлитесь-ли вы, взирая въ сей часъ на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

— Ну-съ (продолжалъ Мармеладовъ, не получая отвѣта), ну-съ, я пусть свинья, а она дама! Я звѣриный образъ имѣю, а Катерина Ивановна, супруга моя — особа образованная и урожденная штабъ-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлець, она же и сердца высокаго, и чувствъ облагороженныхъ воспитаніемъ исполнена. А между тѣмъ... если бъ она понимала меня!... Милостивый государь, милостивый государь, вѣдь надобно же чтобъ у всякаго человѣка было хоть одно такое мѣсто, гдѣ бы и его пожалѣли! А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая... и хотя я и самъ понимаю, что когда она и вихры мои деретъ, то деретъ ихъ не иначе какъ отъ жалости сердца, ибо, повторяю безъ смущенія, она деретъ мнѣ вихры, молодой человѣкъ... (подтвердилъ онъ съ сугубымъ достоинствомъ, услышавъ опять хихиканіе). Но Боже, что еслибъ она хотя одинъ разъ... но нѣтъ! Нѣтъ! Все сіе втунѣ, и нечего говорить! Нечего говорить!.. Ибо и не одинъ уже разъ жалѣли меня, но... но такова уже черта моя, а я — прирожденный скотъ.

Хозяинъ (зѣвая) Еще-бы!

Мармеладовъ (стукнувъ рѣшительно кулакомъ по столу). Такова ужъ черта моя! Знаете-ли, знаете-ли вы, государь мой, что я даже чулки ея пропилъ? Не башмаки-съ, ибо это хотя сколько нибудь походило-бы на порядокъ вещей, а чулки, чулки ея пропилъ-съ! Косыночку ея изъ козьяго пуха тоже пропилъ, дареную, прежнюю, ея собственную, не мою; а живемъ мы въ холодномъ углѣ, и она въ эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Дѣтей же маленькихъ у насъ трое, и Катерина Ивановна въ работѣ съ утра до ночи, скребетъ, и моетъ, и дѣтей обмываетъ, ибо къ чистотѣ съ измальства привыкла, а съ грудью слабою и къ чахоткѣ склонною, и я это чувствую. Развѣ я не чувствую? И чѣмъ болѣе пью, тѣмъ болѣе и чувствую. Для того и пью, что въ питіи семъ страданія и чувства ищу. Не

веселья, а единой скорби ищущу... Пью, ибо сугубо страдать хочу! (Мармеладъ какъ бы въ отчаяніи склоняетъ не столь голову). —

Молодой человекъ, — въ лицѣ вашемъ я читаю какъ бы нѣкую скорбь. Какъ вошли, я прочелъ ее, а потому тотчасъ же и обратился къ вамъ. Ибо, сообщая вамъ исторію жизни моей, не на позорище себя выставить хочу передъ сими празднолюбцами, которымъ и безъ того все извѣстно, а чувствительнаго и образованнаго человека ищущу. Знайте-же, что супруга моя въ благородномъ губернскомъ дворянскомъ институтѣ воспитывалась и при выпускѣ съ шалью танцевала при губернаторѣ и прочихъ лицахъ, за что золотую медаль и похвальный листъ получила. Медаль... ну, медаль-то продали... ужъ давно... гмъ... похвальный листъ до сихъ поръ у ей въ сундукѣ лежитъ, и еще недавно его хозяйкѣ показывала. И хотя съ хозяйкой у ней наибезпрерывнѣйшіе раздоры, но хоть передъ кѣмъ нибудь погордиться захотѣлось и сообщить о счастливыхъ минувшихъ дняхъ. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сіе послѣднее у ней и осталось въ воспоминаніяхъ ея, а прочее все пошло прахомъ! Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная. Поль сама моетъ и на черномъ хлѣбѣ сидитъ, а неуваженія къ себѣ не допустить. Оттого и г. Лебезятникову грубость его не захотѣла спустить и когда прибилъ ее за то господинъ Лебезятниковъ, то не столько отъ побоевъ, сколько отъ чувства въ постель слегла. — Вдовой уже взялъ ее, съ троими дѣтьми, малъ-мала меньше. Вышла замужъ за перваго мужа, за офицера пѣхотнаго, по любви, и съ нимъ бѣжала изъ дому родительскаго. Мужа любила чрезмѣрно, но въ картишки пустился, подъ судъ попалъ, а съ тѣмъ и померъ. Бивалъ онъ ее подъ конецъ; а она хоть и не спускала ему, о чемъ мнѣ доподлинно и по документамъ извѣстно, но до сихъ поръ вспоминаетъ его со слезами и меня имъ коритъ, и я радъ, я радъ, ибо хотя въ воображеніяхъ своихъ зреть себя когда-то счастливой... И осталась она послѣ него съ тремя малолѣтними дѣтьми въ уѣздѣ далеко и звѣрскомъ, гдѣ и я тогда находился, и осталась въ такой нищетѣ безнадежной, что я хотя и много видалъ приключеній различныхъ, но даже и описать не въ состояніи. Родные же всѣ отказались. Да и горда была, черезчуръ горда... И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовецъ отъ первой жены четырнадцатилѣтнюю дочь имѣя, руку свою предложилъ, ибо не могъ смотрѣть на такое страданіе. Можете судить потому, до какой степени ея бѣдствія доходили, что она, образованная и воспитанная, и фамиліи извѣстной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая, и руки ломая — пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете-ли, понимаете-ли вы, милостивый государь, что значить, когда уже некуда больше идти? Нѣтъ! Этого вы еще не понимаете... И цѣлый годъ я обязанность свою исполнялъ благочестиво и свято и не касался сего (показываетъ на полуштофъ), ибо чувства имѣю. Но и симъ не могъ угодить; а тутъ мѣста лишился, и тоже не по винѣ, а по измѣненію въ штатахъ, и тогда прикоснулся!.. Полтора года уже будетъ назадъ какъ очутились мы, наконецъ, послѣ странствій

и многочисленныхъ бѣдствій, въ сей великолѣпной и украшенной многочисленными памятниками столицѣ. И здѣсь я мѣсто досталъ... досталъ, и опять потерялъ. Понимаете-съ? Тутъ уже по собственной винѣ потерялъ, ибо черта моя наступила... Проживаемъ же теперь въ углѣ, у хозяйки Амаліи Оedorовны Липпехель, а чѣмъ живемъ и чѣмъ платимъ, не вѣдаю. Живутъ же тамъ многіе и кромѣ насъ... Содомъ-съ, безобразнѣйшій... гмъ... да... А тѣмъ временемъ возросла и дочка моя отъ перваго брака, и что только вытерпѣла она, дочка моя, отъ мачехи своей, возростая, о томъ я умалчиваю. Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушныхъ чувствъ, но дама горячая и раздраженная, и оборветъ!....

Да-съ! Ну, да нечего вспоминать о томъ! Воспитанія, какъ и представить можете, Соня не получила. Пробовалъ я съ ней года четыре тому, географію и всемірную исторію проходить; но какъ я самъ былъ въ познаніи семъ не крѣпокъ, да и приличныхъ къ тому руководствъ не имѣлось, ибо какія имѣвшіяся книжки... Гмъ! Ну, ихъ уже теперь и нѣтъ этихъ книжекъ, то тѣмъ и кончилось все обученіе. На Кирѣ Персидскомъ остановились. Потомъ, уже достигнувъ зрѣлаго возраста, прочла она нѣсколько книгъ содержанія романическаго, да недавно еще, черезъ посредство г. Лебезятникова, одну книжку *Физиологію* Льюиса — изволите знать-съ? съ большимъ интересомъ прочла, и даже намъ отрывки вслухъ сообщала: вотъ и все ея просвѣщеніе. Теперь же обращусь къ вамъ, милостивый государь мой, самъ отъ себя съ вопросомъ приватнымъ: много-ли можетъ, по вашему, бѣдная, но честная дѣвица честнымъ трудомъ заработать?... Пятнадцать копѣекъ въ день, сударь, не заработаетъ, если честна и не имѣетъ особыхъ талантовъ, да и то рукъ не покладая работавши! Да и то статскій Совѣтникъ Клопштокъ, Иванъ Ивановичъ, — изволили слышать? — не только денегъ за шитье полдюжины голландскихъ рубахъ до сихъ поръ не отдалъ, но даже съ обидой погналъ ее, затопавъ ногами и обозвавъ неприлично, подъ видомъ будто-бы рубашечный воротъ сшить не по мѣркѣ и косякомъ. А тутъ ребятишки голодные... А тутъ Катарина Ивановна руки ломая по комнатамъ ходитъ, да красныя пятна у ней на щекахъ выступаютъ, — что въ болѣзни этой и всегда бываетъ: «живешь, дескать, ты, дармоѣдка, у насъ, ѣшь и пьешь и тепломъ пользуешься», а что тутъ пьешь и ѣшь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видятъ! Лежалъ я тогда.... Ну да ужъ что! лежалъ пьяненькой-съ, и слышу, говоритъ моя Соня, (безотвѣтная она, и голосокъ у ней такой кроткій... бѣлокуренькая, личико всегда блѣдненькое, худенькое), говоритъ: «Чтожь, Катерина Ивановна, неужели же мнѣ на такое дѣло пойти?» — А ужъ Дарья Францевна, женщина злонамѣренная и полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась. — «А чтожь, отвѣчаетъ Катерина Ивановна, въ пересмѣшку, — чего беречь? Эко сокровище!» Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не въ здоровомъ разсудкѣ сіе сказано было, а при взволнованныхъ чувствахъ, въ болѣзни и при плачѣ дѣтей неѣвшихъ, да и сказано было болѣе ради

оскорбленія, чѣмъ въ точномъ смыслѣ... Ибо Катерина Ивановна такого ужъ характера, и какъ расплачутся дѣти, хотя бы и съ голоду, тотчасъ же ихъ бить начинается. И вижу я, эдакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла платочекъ, надѣла бурнусикъ и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ обратно пришла. Пришла, и прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ, и на столъ передъ ней тридцать цѣлковыхъ молча выложила. Ни словечка при этомъ не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только нашъ большой драдедамовый зеленый платокъ (общій такой у насъ платокъ есть, драдедамовый), накрыла имъ совсѣмъ голову и лицо и легла на кровати, лицомъ къ стѣнкѣ, только плечики, да тѣло все вздрагиваютъ... А я, какъ и давеча, въ томъ же видѣ лежалъ-съ... И видѣлъ я тогда, молодой человѣкъ, видѣлъ я какъ затѣмъ Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла къ Сонечкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣнкахъ простояла, ноги ей цаловала, встать не хотѣла, а потомъ такъ обѣ и заснули всмѣстѣ, обнявшись... обѣ... обѣ... да-съ... а я... Лѣжалъ пьяненькой-съ. (Голосъ Мармеладова какъ-бы пресѣкся; потомъ онъ поспѣшно налилъ стаканъ и выпилъ)...

Мармеладовъ. Съ тѣхъ поръ, государь мой, — съ тѣхъ поръ по одному неблагоприятному случаю и по донесенію неблагонамѣренныхъ лицъ, — чему особенно способствовала Дарья Францевна за то будто-бы, что ей въ надлежащемъ почтеніи манкировали, — съ тѣхъ поръ дочь моя, Софья Семеновна, желтый билетъ принуждена была получить, и ужъ вмѣстѣ съ нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалія Ѳедоровна, того допустить не хотѣла (а сама же прежде Дарьѣ Францевнѣ способствовала), да и господинъ Лебезятниковъ... гмъ... Вотъ за Соню-то и вышла у него эта исторія съ Катериной Ивановной. Сначала самъ добивался отъ Сонечки, а тутъ и въ амбицію вдругъ вошли: «какъ, дескать, я, такой просвѣщенный человѣкъ, въ одной квартирѣ съ таковскою буду жить?» А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну, и произошло... и заходитъ къ намъ Сонечка теперь больше въ сумерки, и Катерину Ивановну облегчаетъ и средства посильныя доставляетъ... Живетъ же на квартирѣ у портного Капернаумова, квартиру у нихъ снимаетъ, а Капернаумовъ хромъ и косноязыченъ, и все многочисленнѣйшее семейство тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... Въ одной комнатѣ помѣщаются, а Соня свою имѣетъ особую, съ перегородкой... Гмъ... да... Люди бѣднѣйшіе и косноязычные... Да... Только всталъ я тогда поутру-съ, одѣлъ лохмотья мои, воздѣлъ руки къ небу и отправился къ его превосходительству Ивану Аѳонасьевичу. Его превосходительство Ивана Аѳонасьевича, извольте знать?... Нѣтъ? Ну какъ Божія Человѣка не знает! Это — воскъ... воскъ передъ лицомъ Господнимъ; яка таетъ воскъ! Даже прослезилась, изволивъ все выслушать. «Ну, говоритъ, Мармеладовъ, разъ уже ты обманулъ мои ожиданія... беру тебя еще разъ на личную свою отвѣтственность», — такъ и сказали, — «помни, дескать, ступай!» Облобызалъ я прахъ ногъ его,

мысленно, ибо взаправду не дозволили-бы, бывши сановникомъ и челоѡкомъ новыхъ государственныхъ и образованныхъ мыслей; воротился домой, и какъ объявилъ, что на службу опять зачисленъ и жалованья получаю Господи, что тогда было!... (Мармеладовъ остановился въ сильномъ волненіи).

Мармеладовъ. Было же это, государь мой, назадъ пять недѣль. Да... только что узнали онѣ обѣ, Катерина Ивановна и Сонечка, Господи, точно я въ Царствіе Божіе переселился. Бывало, лежу какъ скотъ, только брань! А нынѣ: на цыпочкахъ ходятъ, дѣтей унимаютъ: «Семень Захарычъ на службѣ усталъ, отдыхаетъ, тшъ!» Кофеемъ меня передъ службой поятъ, сливки кипятятъ! Сливкоѡ настоящихъ доставать начали, слышите! И откуда онѣ сколотились мнѣ на обмундировку приличную, одинадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, не понимаю? Сапоги, манишки коленкоровыя — великолѣпнѣйшія, виць-мундиръ, все за одинадцать съ полтиной состряпали въ превосходнѣйшемъ видѣ-сь. Пришелъ я въ первый разъ по утру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда стоговила, супъ и солонину подъ хрѣномъ, о чемъ и понятія до сихъ поръ не имѣлось. Платьевъ-то нѣтъ у ней никакихъ... то есть никакихъ-сь, а тутъ точно въ гости собралась, пріодѣлась, и не то чтобы что нибудь, а такъ, изъ ничего все сдѣлать съумѣютъ: причешутся, воротничекъ тамъ какой нибудь чистенькій, нарукавнички, анъ совсѣмъ другая особа выходитъ, и помолодѣла, и похорошѣла. Сонечка, голубка моя, только деньгами способствовала, а самой, говоритъ, мнѣ теперь, до времени, у васъ часто бывать неприлично, такъ развѣ въ сумерки, чтобы никто не видалъ. Слышите, слышите? Пришелъ я послѣ обѣда заснуть, такъ чтожъ бы вы думали, вѣдь не вытерпѣла Катерина Ивановна: за недѣлю еще съ хозяйкой, Амаліей Ѳедоровной, послѣднимъ образомъ перессорилась, а тутъ на чашку кофею позвала. Два часа просидѣли и все шептались: «Дескать, какъ теперь Семень Захарычъ, на службѣ, и жалованье получаетъ, и къ его превосходительству самъ являлся, и его превосходительство самъ вышелъ, всѣмъ ждатель велѣлъ, а Семена Захарыча мимо всѣхъ за руку въ кабинетъ провелъ.» Слышите, слышите? «Я, конечно, говоритъ, Семень Захарычъ, помню ваши заслуги, и хотя вы и придерживаетесь этой легкомысленной слабости, но какъ ужъ вы теперь общаетесь, и что сверхъ того безъ васъ у насъ худо пошло (слышите, слышите!), то и надѣюсь, говоритъ, теперь на ваше благородное слово.» То есть все это я вамъ скажу взяла да и выдумала, не то чтобъ изъ легкомыслія, для одной похвалы-сь! Нѣтъ-сь, сама всему вѣритъ, собственными воображеніями сама себя тѣшитъ, ей Богу-сь! И я не осуждаю, нѣтъ, этого я не осуждаю!... Когда же, шесть дней назадъ, я первое жалованье мое — двадцать три рубля сорокъ копѣекъ сполна принесъ, малявочкой меня назвала: «Малявочка, говоритъ, ты этакая!» И на единѣ-сь, понимаете-ли? Ну, ужъ что, кажется, во мнѣ за краса, и какой я супругъ? Нѣтъ, ущипнула за щеку: «Малявочка

ты этакая! говорить. (Мармеладовъ остановился, хотѣлъ было улыбнуться, но вдругъ подбородокъ его запрыгалъ. Оправившись, онъ продолжалъ):

Мармеладовъ. Милостивый государь, милостивый государь! — О, государь мой, вамъ, можетъ быть, все это въ смѣхъ, какъ и прочимъ и только безпокою я васъ глупостію всѣхъ этихъ мизерныхъ подробностей домашней жизни моей, ну, а мнѣ не въ смѣхъ! Ибо я все это могу чувствовать. . . . И въ продолженіе всего того райскаго дня моей жизни и всего того вечера, я и самъ въ мечтаніяхъ летучихъ препровождалъ: и то есть, какъ я это все устрою, и ребятишекъ одѣну, и ей покой дамъ, и дочь мою единственную отъ безчестья въ лоно семьи возвращу. . . . И многое, многое. . . . Позволительно, сударь. Ну-съ, государь ты мой (Мармеладовъ вздрогнулъ и пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника), ну-съ, а на другой же день, послѣ всѣхъ сихъ мечтаній (то есть это будетъ ровно пять сутокъ назадъ тому) къ вечеру, я хитрымъ обманомъ, какъ тать въ ночи, похитилъ у Катерины Ивановны отъ сундука ея ключъ, вынулъ что осталось изъ принесеннаго жалованья, сколько всего ужъ не помню, и вотъ-съ, глядите на меня всѣ! Пятый день изъ дома, и тамъ меня ищутъ, и службѣ конецъ, и вицъ-мундиръ въ распивочной у Египетскаго Моста лежитъ, взамѣнъ чего и получилъ сіе одѣяніе. . . . И всему конецъ!. (Мармеладовъ какъ бы въ отчаяніи замолчалъ; но черезъ минуту съ хитрой улыбкой и выдѣланнымъ нахальствомъ продолжилъ):

Мармеладовъ. А сегодня у Сони былъ; на похмелье ходилъ просить! Хе-хе-хе!

Хозяинъ. Неужели дала?

Мармеладовъ (обращаясь къ Раскольникову), вотъ этотъ самый полуштофъ-съ на ея деньги и купленъ. Тридцать копѣекъ вынула своими руками, послѣднія, все что было, самъ видѣлъ. . . . ничего не сказала, только молча на меня посмотрѣла. . . . такъ не на землѣ, а тамъ. . . . о людяхъ тоскуютъ, плачутъ, а не укоряютъ, не укоряютъ! Тридцать копѣекъ, да-съ. А вѣдь и ей теперь онѣ нужны, а? Какъ вы думаете, сударь мой дорогой? Вѣдь она теперь чистоту наблюдать должна. Денегъ стоитъ сія чистота, особая-то, понимаете? Понимаете? Ну, тамъ помадки тоже купить, вѣдь нельзя-же-съ; юбки крахмальные, ботиночку этакую, по фиглярнѣе, что бы ножку выставить, когда лужу придется переходить. Понимаете-ли, понимаете-ли, сударь, что значить сія чистота? Ну-съ, а я вотъ, кровный-то отецъ, (тридцать) тридцать то эти копѣекъ и стащилъ себѣ на похмѣлье! И пью-съ! И ужъ пропиль-съ!. . . . Ну, кто-же такого какъ я, пожалѣеть? Ась? Жаль вамъ теперь меня, сударь, аль нѣтъ? Говорите, сударь, жаль али нѣтъ? Хе-хе-хе-хе!

Хозяинъ. Да чего тебя жалѣть-то?

Мармеладовъ. Жалѣть! Зачѣмъ меня жалѣть! (вставая, съ протянутою впередъ рукой, въ рѣшительномъ вдохновеніи). Зачѣмъ жалѣть, говоришь ты? Да! Меня жалѣть не за что! Меня распять надо, распять на крестѣ, а не жалѣть! Но распни, Судія, распни и распявь пожалѣй его! И тогда я самъ

къ тебѣ пойду на пропятіе, ибо не веселья жажду, а скорби и слезъ!... Думаешь-ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ; и пожалѣетъ насъ Тотъ Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ. Онъ Единый Онъ и Судія. Придетъ въ тотъ день и спроситъ: «А гдѣ дщерь, что мачехѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ и малолѣтнимъ себя предала? Гдѣ дщерь, что отца своего земнаго, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла?» И скажетъ: «Приди, я уже простилъ тебя разъ... простилъ тебя разъ... Прощаются же и теперь грѣхи твои мнози, за то что возлюбила много.»... И проститъ мою Соню, проститъ, я ужъ знаю, что проститъ... Я это давеча, какъ у ней былъ, въ моемъ сердцѣ почувствовалъ!... И всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ и смиренныхъ... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: «Выходите, скажетъ, и вы! Выходите, пьяненькіе, выходите, слабенькіе, выходите, соромники!» И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: «Свиньи вы! Образа звѣринаго и печати его; но приидите и вы!» И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: «Господи! Почто сихъ приемиши?» — И скажетъ: «Потому ихъ приемию, премудрые, потому приемию, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ никогда не считалъ себя достойнымъ сего.»... И простретъ къ намъ руки свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ! Тогда все поймемъ!... и всѣ поймутъ... и Катерина Ивановна... и она пойметъ... Господи, да приидетъ Царствіе Твое!

Конецъ монолога.